

Ульяна Черкасова

ЕГО ЗАБРАЛ ЛЕС

Золотые земли

Young Adult. Книжный бунт. Новые сказки

Ульяна Черкасова

Золотые земли. Его забрал лес

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Черкасова У.

Золотые земли. Его забрал лес / У. Черкасова — «Эксмо»,
2024 — (Young Adult. Книжный бунт. Новые сказки)

ISBN 978-5-04-200023-2

В ваших руках дневник Михаила Белорецкого, студента-фольклориста, который пропал без вести в Великом лесу. Это всё, что от него осталась: загадочная история любви к ведьме, которая его и погубила.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-200023-2

© Черкасова У., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

О нечистой силе	9
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ульяна Черкасова

Золотые земли. Его забрал лес

© Черкасова У., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»», 2024

* * *

*Слава храбрецам, что осмеливаются любить, зная, что всему
этому придёт конец.*

«Обыкновенное чудо», Евгений Шварц

Золотые земли

Трилогия «Сокол и Ворон»:

Сокол и Ворон

Совиная башня

Птицы Великого леса

Самостоятельные истории:

Его забрал лес

Ульяна Черкасова

ЕГО Золотые земли ЗАБРАЛ ЛЕС

*или дневниковые записи студента
Императорского университета Нового Голландии
Михаила Голубовского,
пропавшего без вести в Валдайском лесу*

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА 2024

Что за прелесть эти сказки!
Александр Сергеевич Пушкин в письме к Л. С. Пушкину

О нечистой силе

СБОРНИК ПОВЕРИЙ, БЫЛИЧЕК И СКАЗОК МИХАИЛА БЕЛОРЕЦКОГО,

СТУДЕНТА ИМПЕРАТОРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА НОВОГО БЕЛГРАДА

1226 Г. ОТ ЗОЛОТОГО РАССВЕТА

ВВЕДЕНИЕ

Решив заняться изучением поверий, верований и суеверий жителей Великолесья, я опирался в первую очередь на свою работу с фольклором Совинской губернии и связь между историями, которая заключается не только в повторении фольклорных мотивов, что свойственно всем сказочным сюжетам, но и в том, что они являются продолжением друг друга и напрямую связаны с историческими событиями Ратиславской империи и Рдзенского королевства, которые...

От кого: граф Александр Ферзен

Откуда: Златоборская губерния, Великолесье, усадьба Курганово

Кому: Фёдору Николаевичу Афанасьеву

Куда: Новый Белград, Императорский университет

Уважаемый Фёдор Николаевич!

Ваш пишет граф Александр Ферзен, хозяин поместья Курганово, в котором провёл последний месяц ваш ученик Михаил Белорецкий.

С прискорбием сообщая, что этот молодой человек пропал без вести, собственно это и стало поводом написать вам.

Возможно, вы слышали о нападениях диких животных в Великолесье. В наших краях волки стали настоящей напастью. Судя по всему, Михаил пал их жертвой. Несмотря на мои предупреждения, он пренебрег осторожностью и не раз отправлялся гулять в одиночку по лесу и просёлочным дорогам. Неделию назад он пропал, и после долгих поисков по всей округе мы нашли только его сумку с вещами.

Всю одежду и личные вещи, а также черновик научной работы отправляю Вам, так как адрес родственников Михаила, увы, неизвестен. Ваш ученик лишь мельком упоминал, что он родом откуда-то из провинции в Рдзении.

Прошу от моего имени передать соболезнования родственникам Михаила. Если однажды его останки будут найдены, обещаю достойно

их захоронить или переправить родственникам юноши, когда они того пожелают.

*С уважением,
Граф Александр Ферзен*

Уважаемый Фёдор Николаевич!

Вы не знаете меня и вряд ли когда-либо слышали моё имя. Если всё пошло как задумано, то Вы найдёте моё письмо сразу под письмом графа.

Меня зовут Клара Остерман, я дочь доктора Густава Остермана, который служит у графа, что прислал Вам пакет от Мишеля. Скажу сразу: ни граф, ни отец не подозревают о моём письме. Я подложила его тайно перед самым отправлением вместе с другими бумагами. Потому что многое, о чём Вы узнаете из писем, должно остаться тайной ради моей безопасности, ради Мишеля и всех, кто сейчас здесь со мной в Великолесье и в нашем несчастном проклятом Курганово.

Я бы ни за что не решилась отправить письма Мишеля Вам, да и любому другому человеку, но, перечитав несколько раз его дневники и письма, поняла, что обязана рискнуть и безопасностью, и честью своей семьи, и всем остальным. Ради справедливости.

Вы уже, наверное, поняли из письма графа, что с Мишелем случилось нечто ужасное. Мне не у кого просить помощи, Фёдор Николаевич. Я здесь совсем одна, в окружении страшных, опасных, жестоких людей. Всё, о чём я мечтаю, – спасти Мишеля, но не уверена, что это до сих пор возможно. Мне не хочется даже думать, что с ним случилось. Говорят, его забрал лес. Но мне не хочется в это верить.

Граф считает, что отправил Вам только отрывки научной работы Мишеля. Он пытался найти его дневник и письма, чтобы, как я подозреваю, уничтожить, но я вовремя всё спрятала. Мне страшно оставлять их в усадьбе, где рано или поздно их найдут. Граф уничтожит всё.

Пожалуйста, умоляю, прочитайте всё, что в этих записях. И, если сможете, приезжайте скорее в Великолесье, к нам, в Курганово. Возможно, ещё не поздно для Мишеля и для меня. Возможно, нас всех ещё можно спасти.

Молюсь Константину и пресветлой Лаодике, чтобы мои письма дошли до Вас в целости и сохранности и всем стала известна правда об ужасах, что происходят в Великолесье. Прошу, приезжайте, как только получите это письмо.

*С надеждой,
Клара Остерман*

Из дневниковых записей Михаила Белорецкого

12 студня 1225 года

Я снова видел её! Руки трясутся. Всё запачкал чернилами

Merde!¹

Merde

Это была она, чтобы бесы её побрали... или она и есть бес? Аберу-Окиа в обличье женщины...

Merde

Наконец-то могу твёрдо держать перо в руках. Расскажу всё по порядку. Так мне самому станет легче, и в голове прояснится.

Ещё на рассвете мы выехали из Орехово, этого маленького, ничем не примечательного городишки на тракте от Златоборска к Ниженску. Не помню ничего, кроме тумана, и весь город остался в памяти таким же: серым, невзрачным, грязным; люди в нём под стать.

Я не выспался и всё утро дремал в карете или, по крайней мере, пытался задремать. Трясло ужасно. Меня то и дело выдёргивало из сна, когда мы подпрыгивали на кочках. Юная барышня с матушкой, ехавшие с нами от самого Златоборска, ещё и пищали, точно мыши, отчего у меня разболелась голова. Они, к счастью, скоро вышли где-то по дороге к Мирной.

Я остался наедине с пожилым господином с настолько белоснежной аккуратно подстриженной бородой, что едва удержался, чтобы не спросить о цирюльнике, к которому он ходит в такой глуши. Но, если подумать, бороды у меня нет, волосы кудрявые, поэтому я вполне могу потерпеть до возвращения в Новый Белград.

В общем, это было ничем не примечательное утро.

У меня трещала голова. Карета тряслась на ухабах. Грязь летела во все стороны, а осеннее, пронзительно холодное солнце резало глаза каждый раз, когда пытался посмотреть в окно. А я всё равно, стирая слёзы, то и дело выглядывал из-за выцветшей шторки и сквозь заляпанное, забрызганное, мутное стекло смотрел на золотисто-жёлтые, горевшие, точно солнце, осенние поля и мечтал скорее выбраться из дребезжавшей кареты, ступить ногами на твёрдую землю и вдохнуть полной грудью бодрящий ледяной воздух, звеневший первыми заморозками и хрустевший, словно лёд, под колёсами нашей кареты.

В какой-то момент подул ветер, поднял пыль с дороги и снег с замёрзшей воды в канавах, сорвал жёлтую листву с деревьев и унёс это всё в поля.

А там, среди золотой пурги из света, снега и рыжей, точно огонь, травы появилась

Она

Помню, как застыл с раскрытым ртом, не веря своим глазам. Мираж. Видение. Проклятие. Морок!

А в следующий миг нашу карету тряхнуло, и я ударился лбом о соседнюю лавку.

Всё перевернулось.

Merde

¹ Дерьмо (фр.).

Merde

Это всё она, не иначе. Видит Создатель, в этом виновата она... Аберу-Окиа во плоти.

Не помню ничего. В глазах вспыхнул сноп искр. Кажется, я даже потерял сознание.

Пришёл в себя уже сидя на обочине дороги, прямо на траве, прислонённый спиной к берёзе. В нос мне тыкали нюхательные соли, а мой сосед с восхитительной бородой повторял с сильным лойтурским акцентом:

– Ви вь порьядке? Молодой чельовек, ви в порьядке?

Ответить не было сил. Я попытался отмахнуться от нюхательных солей, но лойтурец не отстал от меня, пока я не согласился посчитать, сколько у него пальцев на руке.

– Клянусь, их должно быть пять, – сказал я. – Но сейчас чётко вижу семь.

Лойтурец поцокал языком.

– Плохь, плохь, – прокудахтал он обеспокоенно. – Вамь надобно лежать.

Я и вправду всё пытался подняться, а лойтурец усаживал меня обратно. Но я должен был найти...

Её

Но её, конечно, уже и след простыл.

Я почти поверил, что она – сон. Видение. Горячечный бред.

Карета наша поломалась, и кучер ничего не смог с этим поделать. Он предложил нам с лойтурцем подождать, пока кто-нибудь проедет, или дойти пешком до ближайшей усадьбы или деревни.

У меня так кружилась голова, что я не особенно вникал в смысл происходящего.

Всё, что я видел, – она.

Наверное, прав был доктор Вальчак. Тогда, ещё одиннадцать лет назад, я слишком сильно ударился головой. И ещё горячка. И пережитый ужас. Матушка, конечно же, не хотела в это верить. Ещё бы, единственный сын, и тот душевнобольной.

Но... но как ещё можно было объяснить то, чему я стал свидетелем у Бездонного озера? Откуда ещё могла явиться она, как не из бредовых горячечных видений? Наверное, остальным было легче поверить в это, чем в мой рассказ.

– Мольодой челоовек, – позвал меня лойтурец. Мне очень нравится его акцент, не могу удержаться от того, чтобы не попытаться отразить это на письме. – Ви замерзатъ. Прошу, сядьте в карету.

Я приподнял голову с постеленной шинели нашего извозчика (верно, он когда-то служил или получил эту шинель в подарок от бывшего солдата).

– И как вы это себе представляете, любезный? – В мои намерения не входило показаться грубым, я вообще не приемлю вульгарность и *mauvais ton*² в любом проявлении. Только бумага терпит мои ругательства, да и те только когда я вспоминаю её. *Epistola non erubescit*³.

Очень хочется верить, что я не оскорбил своего нового знакомого, но он выглядел смущённым: карета, в которой он предложил мне отдохнуть, так накренилась, что присесть или тем более прилечь в ней было никак невозможно.

² Дурной тон (*фр.*).

³ Бумага не краснеет (*лат.*).

– Ви правь, – сказал лойтурец.

Он отряхнул свой дорожный сюртук и протянул мне руку.

– Доктор Густав Остерман, – представился он.

– Ох, прошу прощения... князь Михал Белорецкий.

Поспешно подскочив с шинели, я едва не упал: так сильно закружилась голова. Доктор подхватил меня и помог удержаться.

– Осторожно, молодёжь чельовек, – обеспокоенно произнёс он. – Осторожно. У вас сильный ударь.

У меня получилось лишь глупо выдавить улыбку, пожимая его руку. Так, держась друг за друга (если быть честнее, то я держался за доктора, чтобы не упасть), я постоял некоторое время, пока не почувствовал себя лучше.

Вдвоём мы наконец вернулись к дороге. Распряжённые лошади паслись здесь же, щипля пожелтевшую, заиндевевшую траву без особого аппетита. При нашем приближении мышастая подняла голову, фыркнула, приветствуя, и из её ноздрей вылетели клубы пара. А я, всё ещё слегка пошатываясь, уставился в огромные лошадиные глаза, увидев в них и отражение себя, и золотое поле за своей спиной... и её.

Но когда обернулся, позади оказалось только поле. Только чернеющий вдали лес. А я смотрел на него потерянно, жалобно, не веря, что она вновь исчезла. Что она так и осталась видением.

Доктор, верно, принял моё состояние за последствия удара. Ох, если бы он знал, как давно я страдаю от этого недуга! И что он определённо точно неизлечим.

– Вы в порядке? – обеспокоенно повторил он.

– Да, – ответил я, пытаясь стряхнуть морок.

– Не смотри, господин, на лес, – вдруг раздался с дороги голос.

Это был наш извозчик – немолодой (а может, и молодой. Ратиславские кметы от тяжёлой жизни и в двадцать лет выглядят как старики) бородатый мужик. А уж эти их бороды и вовсе кошмар и *mauvais goût*⁴.

– Почему?

– Он всякое кажет, – пожал плечами мужик. – То чего боишься, то чего желаешь. А всё дурно. Голову морочит. В наших краях говорят: не смотри на лес, а то заберёт. Лесная Княжна придёт ищцо. – Он очень забавно протянул это «ищцо».

Пусть звучало это смешно и суеверно (а это моя работа – собирать суеверия), от его слов меня пробрал озноб. Даже если это бред, в который верят все деревенские что в Рдзении, что в Ратиславии, что даже в самой Лойтурии, это показалось слишком близким, слишком знакомым. Это было именно то, что я искал в своих странствиях.

Мне стало любопытно, кто такая Лесная Княжна, но извозчик заюлил.

– Да ходит-бродит тут... творит всякое, вытворяет...

– Это поэтому, – я оглядел опрокинутую карету, – нашу карету так перевернуло? Лес или эта ваша Лесная Княжна тебе голову заморочили, когда надо было вперёд смотреть?

– Так дороги, господин, – развёл руками извозчик. – Ты посмотри только, какие дороги.

– Да, но...

Снова и снова мой взгляд возвращался к полям, окружавшим дорогу с обеих сторон. Извозчик, кажется, следил за мной.

– Мне показалось... там... я почти уверен...

Мужик вдруг как-то смущённо кашлянул.

– Многим она порой мерещится, господин, – проговорил он достаточно неразборчиво, и я не уверен, что он сказал именно это, поэтому тут привожу его слова, как сам услышал. Когда же я переспросил, извозчик отмахнулся и отвёл глаза.

– Говорю, места у нас болотистые: реки, озёра, леса, топи сплошные. Мерещится всякое людям. Нечего в лес смотреть. От леса ждать только морока.

Тут во мне соединились сразу два моих интереса: личный и научный. А один к тому же ещё и замешан на «горячечных видениях» другого.

Поэтому я полез в сумку, достал бумагу, перо, сел на землю и немедля, боясь позабыть, записал это: «от леса ждать только морока».

– А что это вы писать, мольдой человек? – склонившись надо мной, полюбопытствовал доктор.

Я поднял голову и поймал его полный искреннего интереса взгляд настоящего исследователя. Извозчик тоже косился на меня, но скорее с недоверием.

– Понимаете, – прокашлялся я смущённо, – это моя работа: изучать народные сказания, поговорки, поверья. Я собираю народный фольклор народов империи.

– О, как интересно! А зачем это нужно?

– Для изучения.

– Это я понимаю, – серьёзно согласился доктор, приглаживая бороду, – но для какой цели это служит? Что вы надеетесь получить?

– Фольклор, – растерянно ответил я.

⁴ Дурной вкус (*фр.*).

Раньше меня никто никогда не спрашивал, зачем я этим занимаюсь. Родители просто называют это блажью, придурью и напрасной тратой времени, а однокурсники или профессора в университете, напротив, поддерживают и целиком и полностью принимают. У меня, конечно, случалась пара неловких бесед со всякими девицами на балах или, что ещё хуже, их матерями, но я не видел даже смысла им что-либо рассказывать. Они бы всё равно не поняли.

Но этим двоим (в основном доктору, конечно) я попытался объяснить:

– Мы... я и мои коллеги из университета ездим по деревням и собираем и записываем сказки, поговорки, былички, всякие поверья, потом составляем сборники, и... – Под взглядом доктора с каждым следующим словом мне всё слабее верилось, что был какой-либо смысл во всей нашей деятельности. – ...Мы выпускаем брошюры, которые изучают другие фольклористы...

– И... всё? – Доктор едва приподнял бровь, но от этого мне стало совсем неловко.

– Всё, – поражённо признал я. – Это... это культура народов империи. Её надо сохранить.

– Безусловно, – сухо согласился доктор.

Пожалуй, не стоило ожидать, что человек науки куда более полезной – медицины – оценит мои потуги в науке, что не приносила никакой очевидной пользы человечеству.

Но я вдруг набрался смелости и, всё так же сидя на земле, разразился такой речью, какой сам от себя не ожидал. Она мне до сих пор так сильно нравится, что постараюсь, насколько помню, записать её сюда:

– Фольклор, доктор, безусловно, не спасёт ничью жизнь. Он не вылечит тиф и корь, не остановит холеру. Сказки, песни, всякие прибаутки могут показаться ерундой и чепухой для таких учёных людей, как вы, да и кметам, пожалуй, тоже бесполезным занятием видится бродить по деревням и записывать их байки. Только сказки и песни, которые, по вашему разумению, совершенная чепуха, дарят вдохновение. Они воодушевляют больных и скорбящих, помогают выразить горе и радость. Сказки помогают ребёнку, что мучается от болезни, заснуть, а неизлечимо больному найти утешение. Вы видели древние дворцы Благословенных островов? Они настоящее сокровище прошлого, что сохранилось до наших времён. Древние троутосцы строили эти дворцы для себя, не задумываясь, насколько великим даром они станут для будущих поколений, но мы, современные люди, дорожим ими как памятником архитектуры. Великие учёные со всего света приезжают, чтобы изучить эти прекрасные строения. Сказки, песни, прибаутки – всё то, что передают из уст в уста простые деревенские люди, – это такое же сокровище, что дошло до наших времён сквозь века от наших предков. Только оно не выковано из металла, не сложено из камня. Оно создано словом и потому ещё более хрупкое и ещё сильнее нуждается в защите. И мы, студенты и выпускники Императорского университета, посвятили свою жизнь этой цели: сохранить наследие наших предков для будущих поколений. Вот.

С этими словами я так решительно закрыл чернильницу, что едва не пролил всё. Пока отряхивал дневник и убирал вещи обратно в сумку, доктор молчал, а я боялся посмотреть ему в лицо. Вдруг стало невыносимо стыдно за мою тираду. Я, наверное, выглядел со стороны невероятным гордецом и дураком.

Когда же, наконец, мы встретились глазами, доктор Остерман добродушно улыбался, топорща свою идеальную бороду.

– Дорогой Михаэль, – произнёс он тепло, – я не осмелюсь спорить с кем-либо, кто говорить о своём деле с такой любовью. – Он вдруг поднял руку с вытянутым указательным пальцем и добавил: – Я знаю, с кем вас познакомить. Настасья Васильевна любит нас пугать. О, почти каждый вечер мы собираться у камина в гобеленной гостиной и слушать её ж-жюткий сказка. И моя Клара. Это моя дочь – Клара. Она полюбит вас сильно-сильно за ваши истории и не оставит в покое, пока вы не расскажете ей всё. Моя Клара – сирота. Ей так одиноко. Друзей здесь, в глушь совсем нет. Она прочитает уже все книги в библиотеке графа, и ей стать скучно.

– Графа? – Я так растерялся от его длинной речи, что смог спросить только об этом.

– О, я, я. Граф. Александр Николаевич. Вы должны остановиться у него. Где вы остановиться? Неважно. Забудьте эти ужасный провинциальный гостиниц. Клопы! Мыши! Кошмарь! Граф обожать таких людей, как вы: образованные, умные, честные юношь. Идёмте.

Он вдруг сорвался с места, кинулся к карете и велел извозчику снять его саквояж.

– Мы идём немедленно! – воскликнул доктор. – Ждать тут можно до смерть. Лучше ходить. Полезно для здоровье.

Сказав это, он запнулся, посмотрел на меня обеспокоенно.

– Хотя... вам ходить с ваш состояний...

– Я в порядке! – возразил я, закидывая сумку на плечо. – Голова уже совсем прошла. – Я бессовестно соврал, но оставаться на дороге дольше хотелось куда меньше. Что, если я снова её увижу?

Стоило оглянуться на поле, и меня стали терзать сомнения: не потому ли появилось видение, что я ударился головой? Что случилось первым: видение или удар?

Мы распрощались с извозчиком, тот пообещал заехать в поместье графа, как только сможет починить карету, и завезти наши вещи. До сих пор, кстати, не завёз. Пошли мы налегке: я с заплечной сумкой со своим дневником, доктор с саквояжем, который казался куда увесистее, но этот высокий лойтурец нёс его так легко, точно там лежала пара листов бумаги.

– Вы не пожалеть, что погостить у графа. Курганово самый богатый, самый красивый усадьба во всей империи.

– Далеко она?

– Час... полтора? – прикинул доктор, щурясь на солнце. – Если вы усталь, или голова кружиться, нужно присесть.

– Нет, я в порядке.

Но на первом же перекрёстке я с лёгкой тоской оглянулся на дорогу, уходившую в сторону. На повороте там стоит большой серый камень, обросший со всех сторон мхом.

– А это?..

– Камушек, – очень смешно произнесся ратиславское слово, ответил доктор.

– Просто камушек? – слегка улыбнулся я. – По-моему, так целый камешце.

Надо признать, мне как рдзенцу тоже очень нравятся эти увлекательные формы ратиславских словечек. Они звучат чудно, некоторые даже красиво, несмотря на то что в целом ратиславский язык груб, неповоротлив и уродлив. Но чем дольше живу в Белграде, чем дольше путешествую, тем сильнее проникаюсь их культурой. Даже дневник и тот стало легче вести на ратиславском, чем на рдзенском. Если прежде я делал это ради упражнения в письме, то теперь выбираю ратиславский язык не задумываясь. Так даже удобнее на случай, если со мной что-то случится и мои записи понадобятся для работы кому-нибудь в университете.

– Неть-неть, – замотал головой доктор. – Камушек это название поместья. Там живут... провинциальные люди.

Я заметил, как доктор уже не в первый раз использовал это слово, явно вкладывая в него уничижительный смысл. Несмотря на то что я и сам не испытываю симпатии к грязным тёмным ратиславским кметам и их таким же грязным и неучёным господам, слышать эти слова от ухаживающего доктора было одновременно неприятно и печально. Но, пожалуй, человеку науки и должно быть невыносимо зарывать свой талант в глуши на болотах посреди Великолесья.

– Отчего же «Камушек»? Есть какая-то история об этом камне?

Минуя перекрёсток, я оглянулся, пытаюсь заметить что-либо необычное в камне – узор или надпись, – но ничего не заметил.

– Спросить мою Клару, – посоветовал доктор. – Она любит всякие истории, особенно страшные. И дружить с сыном хозяина этой усадьба. Неприятный молодой человек. Я лучше рассказать о Курганово. Поверьте, во всей империи вы не найти поместье лучше. Граф сотво-

рил чудо. Чудо! Двадцать лет назад тут был пустырь. Болото. Дикие места! Призраки бегать, летать туда-сюда, туда-сюда. – Доктор взмахнул свободной от саквояжа рукой, показывая, как призраки летали по болотам. – Порхать словно птички, мучить бедный кметы. А потом – оп! – и пришёл граф. Он быстро навёл порядок. Даже император к нам приезжать. Он так благодарил графа, так хвалил.

– Император? – поразился я. – Здесь?

– Да-да, император, – с гордостью закивал доктор. – К нам порой приезжать важные люди, вот, даже учёный, как ви, мольдой чельовек. Почему вы приезжать именно в Великолесье? В наших краях много страшных сказок...

Мы шли легко, быстро. К счастью, ни у меня, ни у доктора вещей с собой почти не оказалось. Доктор отлучался из поместья ненадолго, а у меня, стыдно признаться, ничего кроме ночной рубашки да пары сменных сорочек и нет. Переживаю, что буду делать, если вдруг ударят морозы и выпадет снег. В Новом Белграде не так уж нужна крепкая обувь. От здания университета я далеко и не уходил, а если была сильная необходимость, одалживал обувь у Лёши. Но в ратиславской провинции дороги – грязь и навоз. По ним лошадям пройти нелегко, не то что человеку.

И вот, пройдя почти два часа по разбитой просёлочной дороге, я был совершенно поражён неожиданно открывшимся мне видом на усадьбу.

С соседнего берега показались грандиозные постройки, и пристань, самая настоящая каменная пристань, аккуратные башенки храма и колокольни, и белые беседки, и большие кованые ворота с, очевидно, гербом графа. Это были дубовые ветви, в которых запутались мотыльки. Символика для геральдики настолько редкая, что я пообещал себе вернуться попозже и зарисовать. Оставлю место.

Бабочки в геральдике, надо сказать, символизируют бессмертие, непостоянство красоты и души, что стремится в высоту, а дуб же, несмотря на свои традиционные значения,

к тому же ещё и древо, неизменно связанное со смертью и загробным миром. О дубе, кстати, я бы сам не догадался. Это мне подсказала Настасья Васильевна.

– Добро пожаловать в Курганово, – с такой гордостью, точно усадьба принадлежала ему, произнёс доктор. – Уверен, вы влюбитесь в наши края. Граф невероятный человек. Extraordinär⁵.

Подозреваю, он сказал это не на ратиславском, потому что не мог произнести. Честно признаюсь, мне и самому часто нелегко до сих пор выговорить что-нибудь такое.

Оказавшись в Курганово, я скоро понял, о чём говорил доктор, почему так восхищался графом.

Мы перешли реку по грандиозному каменному мосту со статуями русалок. Не представляю, какое состояние у графа, если он может позволить себе построить мост, какой можно было бы увидеть в центре Нового Белграда. Дальше к усадьбе ведёт липовая аллея, а сам хозяйский дом ничуть не уступает столичным дворцам и, помимо всего, построен по лойтурскому образцу, а под крышей его (в одной из башенок крыша стеклянная) – даже не верится – настоящая обсерватория. Впрочем, фамилия графа – Ферзен – наводит на мысль, что предки его происходят из какого-нибудь знатного лойтурского рода, что пару веков назад, по-видимому, искал удачи в Ратиславии после Обледенения Холодной горы.

За пару часов обувь моя бессовестно промокла, поэтому, когда я оказался на пороге усадьбы, вокруг меня растеклась лужа, а ботинки так отвратительно захлюпали, что звук походил на поросычье хрюканье.

Нас встретила дочь доктора. Она появилась словно из ниоткуда, кинулась отцу навстречу. Юная, совсем ещё дитя, девушка летела легко, точно птичка, и голубые ленты в каштановых волосах развевались за ней хвостом.

Она вдруг заметила меня, застыла – всё так же изумлённо, напуганно, словно птаха, впервые вылетевшая из гнезда, и детское милое выражение лица тут же смылось, она встала ровно, сцепила пальцы рук, поджала губы, в общем сделалась очень серьёзной.

– Клара, – улыбнулся доктор, – познакомься с Микаэль Белорецкий, мой новый друг. Он приехал к нам в Великолесье изучать фольклор.

Клара грациозно, со всей старательностью провинциальной барышни, что пытается подражать столичным модницам, сделала реверанс. Я так же официально поклонился и поцеловал её руку. Ах, как она засмушалась, маска строгости быстро с неё слетела.

Клара спросила меня о фольклоре, поэтому пришлось объяснить, чем я занимаюсь:

– Я собираю сказки, легенды, мифы и песни. Пишу научную работу по фольклору Ратиславской империи.

Её большие голубые глаза стали точно блюда.

– Про лесную нечисть?

Стоит отметить, её произношение значительно лучше, чем у отца. Очевидно, девушка выросла уже в Ратиславии.

– Про лесную нечисть тоже, – подтвердил я, не в силах сдержать улыбки. – И про речную, и про полевую, и про домовую.

После мы с ней много чего ещё обсудили. Чем больше я рассказываю этой чудесной девушке о своей работе, тем ярче загораются её глаза. Ох, какое же это удовольствие – видеть, что моё дело интересно другим. Возможно, она станет моей добровольной помощницей в этой работе. Ходить одному по незнакомым деревням скучно, да и местные жители лучше могут знать, к кому обратиться.

⁵ Экстраординарный (нем.).

Она расспрашивает обо всём с такой же жадностью, что я видел у других своих однокурсников. В этот огонь нельзя не влюбиться, так он зажигает сердца.

Сразу при встрече Клара попросила рассказать о нечистой силе, и я пообещал рассказать всё, что знаю, если только она пожелает.

– Пожелаю! – горячо воскликнула Клара. – Когда?

– Клара, – вздохнул доктор, – Микаэль после долгой дороги из столицы. Ты только взгляни, как он продрогнуть и промокнуть. Ему нужен отдых.

– И горячий обед, – раздался голос от лестницы.

Я оглянулся и потерял дар речи. Пожалуй, я не посмею описать всех чувств своих в письме Лёше, хотя обещал ему рассказывать обо всём, что увижу, и особенно о красивых женщинах. Но он точно высмеет меня и скажет, что я совсем закопался в своих книгах и не вижу девиц – столичных, модных, нарядных девиц, – раз так отреагировал на неё.

Но дело не в одежде. И не в облике. В глазах: тёмных, спокойных, манящих. В полных губах, изогнутых в насмешливой высокомерной улыбке. Не жеманной, не горделивой, как у тех же столичных барышень. Строгое тёмное платье, декольте, целомудренно прикрытое белым платком, но в лице, в походке было нечто дикое, опасное, точно у лесного зверя.

– Настасья Васильевна, – доктор легко поклонился, – рад видеть в добром здравии.

– И я рада, что вы вернулись, Густав Карлович. – Она окинула доктора мимолётным взглядом и снова обратилась ко мне: – А вы, значит, Михаил?

– Михаил Андреевич Белорецкий, – представился я на ратиславский манер. – Студент Белградского Императорского университета.

– Не разболеться бы вам, Михаил Андреевич, – она ступала, покачивая пышной юбкой. – В наших краях, на болотах, легко подхватить опасную хворь. Местные мужчины носят сапоги до самых колен, а вы в таких лёгких ботинках. Здесь, увы, нет мостовых, как в Новом Белграде.

Невольно мой взгляд упал на совершенно промокшие разбитые ботинки, купленные два года назад на стипендию. Я тогда ещё потом месяц, до следующей стипендии, обедал и ужинал только в гостях у Лёши.

– Да я как-то... не знал... не думал...

Не мог же я признаться, что у меня просто не было денег на другую обувь.

– У вас с графом должен быть один размер. Думаю, у него найдётся что-нибудь подходящее. Идёмте, идёмте скорее к огню. Вам нужно согреться.

Меня окружили слуги (точнее, рабы, ибо ратиславские дворяне не платят своим слугам, если только не иностранцам, а держат их всех в рабстве. Мне до сих пор нелегко привыкнуть к этому дикому явлению, поэтому порой называю крепостных слугами), Клара и графиня. Все вместе они согрели меня у огня, накормили вкусным, по-ратиславски плотным обедом и заваляли вопросами.

Хозяйский дом я успел осмотреть лишь мельком. Всё здесь обставлено с большим вкусом, и, хотя зданию не больше двух десятков лет, в убранстве чувствуется, что род графа Ферзена древний. Здесь немало портретов его предков, личных вещей, очевидно перевезённых из предыдущего дома. Так же я, будучи сыном своего отца, не смог не отметить обширную коллекцию оружия. Мне сказали, что граф большой поклонник охоты и меткий стрелок.

А после до самого ужина меня оставили обживать в гостевой, где я и успел записать в дневник всё, что произошло за минувший день. Скоро должен прийти доктор и позвать к ужину, на котором меня обещали представить графу.

Оставшееся пишу вечером, в гобеленной гостиной у камина. Как и рассказывал доктор, здесь собираются все домочадцы по вечерам после ужина.

Итак, я познакомился со всеми обитателями усадьбы, кроме слуг.

Помимо доктора, Клары и Настасьи Васильевны, супруги графа, есть и ещё сам граф Александр Николаевич Ферзен, и это человек, от которого я бы предпочёл держаться подальше при других обстоятельствах. Но, пожалуй, только человек его склада мог на пустыре за пару десятилетий построить такую усадьбу, как Курганово.

Доктор предупредил меня перед ужином, чтобы я не заговаривал с графом первым, не спорил с ним и во всём соглашался. Не то чтобы я собирался вступать в конфронтацию с хозяином, который проявил такое гостеприимство по отношению к незнакомому человеку, но это всё же показалось странным и заранее насторожило, даже настроило против.

Граф произвёл неизгладимое впечатление с первого взгляда. Он вошёл в столовую, когда все уже сидели (и опоздал к ужину на полчаса, но без него никто не посмел притронуться к еде. Впервые вижу, чтобы хозяин заставлял своих гостей ждать, да ещё и дал чёткое указание без него не начинать). Со мной он даже не поздоровался (а доктор велел мне не заговаривать первым).

Широким, чеканным шагом, который наводит на мысли о службе в армии, граф прошёл к своему месту, молча, не глядя ни на кого из нас, сел за стол и махнул слуге, чтобы тот положил ему первое блюдо. Всё это время мы, остальные собравшиеся, стояли, точно солдаты на смотре у генерала, вытянувшись по струнке.

И только когда граф прожевал первый кусочек и отпил вина из поданного бокала, он вспомнил о нас и сухо кивнул.

Настасья Васильевна, сидевшая напротив графа, первой опустилаась, за ней робко присели мы. Я пребывал в таком удивлении, что, прежде чем сесть, долго крутил головой, наблюдая за остальными.

Это был самый странный ужин в моей жизни. Отец вдруг показался самым радушным и общительным человеком в мире, потому что в отличие от графа он хотя бы умел притворяться приветливым хозяином и добрым семьянином. Что-то, а произвести хорошее впечатление Анджей Белорецкий умеет. Это для домашних он самодур, тиран и деспот, а для соседей и тем более столичных гостей чудеснейший, душевнейший человек. Холера, я начал раздражаться от одной только мысли о нём.

Вернусь к описанию ужина.

Граф заметил меня только после третьей смены блюд.

– Вы, значит, тот самый студент? – спросил он без всякого приветствия.

Я представился на ратиславский манер (уточняю, потому что после граф весьма странно отреагировал на моё имя).

Разговор постепенно ожил, в основном благодаря Настасье Васильевне.

Ох, если бы я мог словами описать, какая она, но это, кажется, не смогут передать ни перо, ни бумага.

– Вы же, Мишель, студент Императорского университета в Новом Белграде? – уточнила она. Чёрно-синие, как сливы, глаза сверкали.

– Да, – сказал я. И, собственно, это всё, что я мог при ней произнести поначалу. Я почти не говорил, кивал больше. К счастью, все списали это на усталость.

– И вы приехали к нам в Великолесье, чтобы записывать поверья бедных кметов?

Настасья Васильевна повторяла уже известную ей историю, чтобы хоть как-то поддержать неловкую беседу с графом. Как же это благородно с её стороны.

– Да.

Александр Николаевич налил мне какой-то чудеснейшей, но очень крепкой наливки, от которой я долго не мог дышать, зато сразу согрелся и стал болтливее.

Граф закончил с блюдом, тоже выпил настойки и резко переменялся в поведении, на губах его заиграла лёгкая благодушная улыбка, и даже тон изменился на великодушно-ободряющий.

– Настасья, душенька, ну зачем пытаешь мальчика? Видишь, он совсем измучился в дороге.

– Нет-нет, – замотал я головой. – Я... всё...

Мне было очень стыдно пить наливку этого человека, греться у его камина, укутанному в его же плед и пряча ноги в его же тапочках, и так бессовестно засматриваться на его же жену. Но видит Создатель, от неё невозможно оторвать глаз. И если пару минут назад я буквально ненавидел графа, так сильно он напомнил мне отца, то он, точно назло, чтобы мне стало ещё совестливее, совершенно переменялся, велел сесть поближе, налил ещё настойки и стал предлагать то мидии, то пироги, то салаты и всё это сам, без помощи слуг класть на мою тарелку.

– Вы, студенты, вечно голодные. Настасья Васильевна сказала, у вас потерялись вещи в пути? Я одолжу свою обувь на время и велю сделать новую пару по вашему размеру. Нет-нет, это подарок, прошу, не спорьте. Вы мой гость.

Как мог человек, показавшийся столь неприятным высокомерным деспотом, вдруг превратиться в столь доброжелательного и щедрого друга? Совершенно не понимаю поведение графа.

Помня наставление доктора и опасаясь, что граф снова станет прежним, я старался не заговаривать с ним сам, а только отвечать. Кажется, он действительно похож на моего отца тем, что остаётся добрым, только пока всё идёт так, как он желает.

Закончился ужин, и мы перебрались в гобеленную гостиную. Граф вместе с доктором сел играть в карты, Клара взялась за рукоделие и с нескрываемым любопытством слушала меня. А Настасья Васильевна вернулась к разговору о фольклоре.

– Я вам, Михаил Андреевич, могу тоже разные истории рассказать. Только все они... невесёлые. Жуткие, я бы даже сказала, – улыбалась она так коварно, что никак нельзя было не соблазниться.

Пожалуй, именно так улыбалась Аберу-Окиа, когда совратила Создателя и обманом родила от него всех бесов и чародеев.

– Я не из трусливых, – отважно ответил я, хотя только полчаса назад не мог двух слов связать в её присутствии.

Правда, это всё же не от трусости, а от моей закрытости. Женщин, подобных Настасье Васильевне, можно порой встретить в высшем обществе. Роковые красавицы, кокетки настолько искусные, что мужчины из-за них даже стреляются. В Настасье Васильевне кокетства, что бывает у светских дам, совсем нет. Оно в ней иное, какое-то первородное, дикое, всепоглощающее. Она будто и не пытается играть со мной. Если бы я мог объяснить это словами, но, когда дело касается её, во мне вдруг просыпается редкое косноязычие.

Даже слова на литторском она не вставляет. А столичные модницы так любят вернуть к месту и не к месту иностранные словечки. Каюсь, сам этим грешу, но чаще на бумаге.

– Значит, страшных сказок вы не боитесь? – допытывалась с улыбкой графиня.

– Не боюсь. Более того, однажды стал героем одной такой страшной сказки. Собственно, поэтому и начал изучать фольклор. Хочу понять, чему именно я стал свидетелем.

У камина было жарко, и дрова трещали, убаюкивая, но я вдруг услышал вой ветра и гул мороза, что стучался в окно моей спальни. Там, у Бездонного озера.

И стоило мне сказать: «Я вырос в Вильчьем логу, Волчьем логе по-вашему. Это древний замок у Бездонного озера», как госпожица Клара выпустила из рук шитьё и ахнула, закрыв рот ладошками. Она, верно, слышала о Вольчьем логе. Дурная слава о нём долетела даже до глухой провинции на другом конце империи.

– И вы видели ведьму-волчицу? – спросила она.

– О, вы знаете о нашей ведьме, – обрадовался я, хотя от одного упоминания о ней у меня по всему телу побежали мурашки.

– Я читала о ней в библиотеке графа! – воскликнула Клара. Нитки с иголками были позабыты. – Так она и вправду существует?

Медленно я обвёл глазами всех в гостиной. Граф, оторвавшись от карт, наблюдал с лёгкой усмешкой, забавляясь восторгом девушки. Доктор курил, мало обращая внимания на нашу беседу. Настасья Васильевна сидела, спокойно сложив руки на коленях, и пристально смотрела на меня. Мне стало так жарко, что я предпочёл перевести взгляд на Клару.

– В наших краях многие кметы верят в ведьму-волчицу, а я...

– Вы учёный человек, понимаю, – кивнул граф. – Смотрите на это с научной точки зрения? Как на пережитки архаичных времён.

Мне было крайне неловко. Лицо загорелось, на лбу выступила испарина, хотя ноги всё ещё оставались ледяными.

– На самом деле, – робко проговорил я, – я тоже верю в ведьму-волчицу. Я встречал её лично.

Изумление на лицах моих собеседников было неподдельным. У всех – разное, но у всех изумление. И Клара, окончательно сбросив маску строгости, нетерпеливо воскликнула:

– Расскажите! Расскажите нам!

И я рассказал, как одиннадцать лет назад встретил ведьму-волчицу у Бездонного озера.

Как ни странно, но в своём дневнике я ни разу не упоминал о тех событиях, хотя что, как не они, перевернуло всю мою жизнь и побудило к научным изысканиям?

Чтобы не тратить зря время, вклею страницу из неопубликованной статьи. Когда-то наставник мой Фёдор Николаевич, услышав о ведьме-волчице, попросил всё подробно записать. В итоге мою статью для газеты беспощадно обкромсали, но у меня осталась распечатка самого первого её варианта. Вот она:

Михаил Белорецкий

О ВЕДЬМЕ-ВОЛЧИЦЕ ИЗ ВОЛЧЬЕГО ЛОГА

Я происхожу из древнего рода и вырос в замке, принадлежавшем моим славным предкам на протяжении многих веков. То ли злой рок, то ли насмешливая судьба сыграли с нами злую шутку: пусть наш род Белорецких и не запятнал своё имя, но вот владения давно уже имеют дурную репутацию.

В летописях Твердовского университета сохранились первые упоминания о Бездонном озере и в особенности о Волчьем логe как о месте дурном. Уже тогда предок мой, князь Белорецкий, отправил письмо королю Чаславу с просьбой прислать Охотников Холодной горы. После, во времена смуты, между 569 и 575 годами, не раз навещали нас члены Тихой стражи, что заставляет задуматься о том, насколько беспокойные, государственно важные дела творились у Бездонного озера.

Но ещё недавно, ровно до десятой моей зимы, считалось, что люди короля прибывали в далёкий от столицы Волчий лог потому, что здесь, на границе государства, чинили беззаконие разбойники и плели заговоры против короны предатели. Кто-то из соседей даже обвинял моих благородных предков в измене, что, безусловно, никак не могло произойти.

Так было, как я и сказал, до десятой моей зимы. В год тысяча двести пятнадцатый в деревнях в округе нашего замка стали пропадать дети. Совсем ещё малыши: от четырёх до восьми лет. Без следа они исчезали со своих дворов и с людных улиц, с полей и из собственных колыбелей. Никто и ничто не могло

их уберечь. Не помогали ни молитвы, ни обереги, ни острые топоры их отцов, ни тяжёлые запоры на дверях. Дети продолжали пропадать.

Но если ребёнок исчезал после дождя или снегопада, то на земле находили следы волчьих лап.

Тогда снова вспомнили легенду о Волчьем лого. О том, почему родные края наши получили такое зловещее название.

Родители строго-настрого запретили упоминать эту страшную сказку, так популярную у простого народа. Но все шептались о волчице, и меня сжигало любопытство, отчего я, в свою очередь, приставал к нянюшке. Наконец она сдалась и рассказала вот что.

Бездонное озеро, на берегу которого стоит наш Волчий лог уже много веков, говорят, и вправду бездонное. И давным-давно на берег с самого дна поднимались чудовища. Однажды пришла и она: ведьма-волчица. Ни один зверь не мог сравниться с ней, ни один человек. Она была больше, сильнее, древнее. И в полную луну она обращалась человеком, приходила к деревням и выла так протяжно и красиво, так тоскливо, что те, кто был слаб духом или убит горем, не могли сопротивляться её зову и выходили из своих домов. Они сами шли к ведьме-волчице, и она принимала их в свои объятия, оборачивала в звериные шкуры, и несчастные вставали подле неё уже на четырёх лапах. Стая росла с каждым днём, а люди пропадали всё чаще, пока деревни вовсе не обезлюдели. И тогда пришли Охотники.

К слову, спустя много лет я и вправду нашёл не одно упоминание об Охотниках Холодной горы, замеченных в окрестностях Волчьего лога. Сообщения о нападениях волков тоже встречаются в записях нередко.

На этот раз тоже все погрешили на волков.

Тридцать человек вызвалось пойти на облаву, их собрал князь Анджей, мой отец.

К тому моменту, когда началась первая облава, в списках пропавших уже значилось восемь имён. Моё стало девятым. После я видел этот список. Внизу, приписанное твёрдым почерком отца, значилось: «9. Княжич Михал Белорецкий».

Спустя время матушка утверждала, что я не мог запомнить событий тех дней. Я болел. У меня была горячка. Но то, что привиделось мне в том лихорадочном сне (да и сне ли, не отпускает меня до сих пор).

Всё началось ещё во время проводов. Мужчины под предводительством моего отца собрались во дворе замка, и все, включая, конечно, меня и матушку, вышли их провожать.

Шёл снег с дождём, и ветер завывал. Нельзя было разглядеть даже шпилей башен: так низко опустилось небо, склонилось над нами, предвкушая скорую кровь. Помню, даже каменных волков, что притаились по двум сторонам врат, было не разглядеть. Мне хотелось бы упомянуть, что в украшении замка волчьих мотивов так много, что понадобятся долгие месяцы, чтобы составить их полный список. На протяжении веков предки мои вносили свою лепту в строительство, и каждый считал нужным изобразить этих диких зверей, поэтому они повсюду: в каменных статуях на воротах, на портретах возле всех князей Белорецких прошлого, на деревянных лестницах и креслах, на подсвечниках, канделябрах, посуде, сундуках. У моей матушки даже есть семейная реликвия, уникальная диадема с волками, что

воют на луну, сделанную из одного из самых крупных бриллиантов, которые есть в Ратиславской империи.

Считаю, что эта деталь поможет читателю ярче представить Волчий лог и понять, насколько сильно легенды о волках повлияли на местных жителей. Но вернусь к повествованию.

Я быстро продрог, ноги промокли, но, наверное, больше часа я стойко терпел все неудобства и стоял прямо, сжав зубы, чтобы доказать, что я уже взрослый и не боюсь ни снега, ни холода, особенно когда мой отец уходит охотиться на волков.

В замок прибывало всё больше людей. Они подходили к моему отцу, желали удачи, приносили охотникам тёплые носки, рукавицы, порох, пули и благословлённые Пресветлыми Братьями свечи, пироги, колбасы. Охотники и их жёны подходили и к моей матушке, кланялись, просили пожелать удачи. И только одна женщина подошла ещё и ко мне. Она была немолода, волосы её – спутанные, длинные, свисавшие по сторонам бледного лица, – опускались до самой земли. Она проволочила свои косы и полы шерстяного плаща по свежему снегу и лужам, поцеловала руку моему отцу, поклонилась матери, остановилась рядом со мной.

– Какой ладный хлопец, – сказала она. – Вырастет настоящим рыцарем.

Уже из этого только стоит заключить, что она была или лицемерная, или сумасшедшая, потому что я с детства не отличался ни здоровьем, ни крепким телосложением.

Матушка вежливо поблагодарила её, я тоже что-то проговорил, стуча зубами. Женщина, однако, подошла ближе, склонилась, заглядывая мне в лицо.

– Нет, рыцарем ты не будешь, – прошептала она так тихо, что даже матушка, державшая меня за руку, не слышала. – Станешь волком.

Даже сейчас ясно помню её глаза: жёлтые, дикие, полубезумные. После все убеждали меня, что не бывает жёлтых глаз у людей, но я и сейчас готов поклясться, что это было так и никак иначе.

Слова старухи хлестнули точно оплеуха. И я, десятилетний, уже почти взрослый, как считалось, или хотя бы обязанный вести себя как взрослый, вдруг схватился за матушкин подол и разрыдался. Я бился в истерике и не мог разжать кулаки.

– Я не буду волком! Я не буду волком! – кричал я в исступлении, когда рассерженный отец схватил меня на руки и, точно куклу, утащил под крышу.

– Забери его. – Он всучил меня, точно нашкодившего щенка, нашему управляющему.

Я ничего не видел от слёз, но слышал злость в голосе отца и понимал, что опозорил семью, весь княжеский род. Но это было сильнее меня. Жёлтые глаза всё ещё стояли передо мной, и я повторял, захлёбываясь слезами:

– Я не буду волком!

Меня увели в спальню и заперли на весь день. Скоро поднялся жар, и нянюшка с матушкой по очереди обтирали меня влажными тряпицами.

А ночью, когда везде погасли огни, а жар мой обратился в тревожный лихорадочный сон, меня настиг пронзительный вой. Я очнулся в холодном поту, присел на кровати, прислушиваясь, а вой повторился.

Сколько в нём было тоски, сколько боли и одиночества! Я чувствую его и сейчас в своей крови, когда порой просыпаюсь в темноте. Он пахнет

отсыревшими простынями и морозной ночью, ледяной корочкой на воде и первыми заморозками. Он ощущается гусиной кожей на руках и замёрзшими пальцами ног. Он скручивает внутренности и сжимает рёбра, пока сердце не поднимется к самому горлу.

Нет, нет таких слов, что опишут эту тоску. Волчью тоску. Так чувствовать могут только звери. Мы, люди, не умеем столь сильно любить и страдать: каждой частичкой своего тела, на разрыв, всепоглощающе, преданно, безоглядно, безумно.

И, будучи несмышлёным мальчишкой десяти лет, я прочувствовал эту тоску каждой своей косточкой и подчинился ей. Я вылез из своей постели, прокрался мимо задремавшей нянюшки, прошмыгнул мимо ленивой стражи и вышел во двор.

Всё ещё шёл снег. И холодная ночь, какая бывает на границе между осенью и зимой, встретила меня серым мертвецким светом.

Ведьма-волчица стояла посреди двора.

– Мой волчонок, – прошептала она. Увы, ратиславский язык не сможет передать всю ласку, всю любовь, всю чарующую магию ночных звуков, что прозвучали в этом «mój wilczek».

Её зову невозможно было сопротивляться. Пусть я боялся этой старой уродливой женщины, но покорно протянул руку и пошёл рядом, ступая босиком по снегу. Кожа моя горела так сильно, что холод вовсе не чувствовался.

Мы шли медленно, старуха не торопила, и с каждым шагом мне становилось всё легче, всё радостнее. Вокруг нас кружил снег, и мы танцевали вместе с ним. Метель заметала наши следы. И мы пели, пели во имя ночи, свободы и зимы.

Я оглянулся на замок, на свой Волчий лог, лишь однажды.

– Забудь свою конуру, волчонок. Пошли со мной, – позвала старуха.

Но вид далёких тёмных башен точно разрушил чары, и я зарыдал, рванул назад, к дому. Ведьма схватила меня за ворот, и больше я ничего не помнил.

Дальше была пещера где-то в горах и заснеженная поляна. И мы: девятеро детей, все не старше десяти зим, прижимавшиеся друг к другу.

Издалека, со склонов гор, мы слышали мужские голоса и мечтали им ответить. Но рядом в темноте сидела старуха.

– Скоро люди придут, – повторяла она, трясаясь от холода не меньше нас. – Скоро вы вступите в стаю. Скоро...

Но шло время. Минула ночь, и я забылся жутким лихорадочным сном. Уже на закате, когда холодное солнце заблестело, отражаясь в снегу на ветвях сосен, я пришёл в себя. По-прежнему прижимаясь к другим детям, я удивился теплу. Костёр так и не горел. Ведьма, очевидно, боялась разводить огонь, пока продолжалась охота. Но мне было тепло, точно дома в постели. Со всех сторон ко мне прижимались пушистые серые шкуры. Волчьи шкуры.

Не осталось детей. Все восемь обратились волчатами. Они прижимались ко мне в тревожной дремоте, шевелили ушами, заслышав шум, и водили носами, почуяв чужие запахи. Они уже забыли, что были людьми.

А я сидел ни жив ни мёртв и боялся пошевелиться.

Зашевелилась куча тряпья у самого входа пещеры. Ведьма высунула голову из-под своей шубы. Она единственная осталась человеком, хотя глаза её горели жёлтым сильнее прежнего.

– Спи, волчонок. Спи, пока твой отец нас не нашёл.

– Что?..

От страха у меня зуб на зуб не попадал, но она, кажется, подумала, что я замёрз.

– Что, холодно без волчьей шубки? Хочешь, подарю? У меня последняя осталась.

Я замотал головой.

– Нас было десятеро, – вдруг процедила ведьма. – Мой муж и наши восемь волчат.

Она согнула шею, зажмурилась, и я невольно пожалел её, без слов понимая всю историю, что скрывалась за молчанием, за седыми косами и полным горечи изогнутым ртом.

– Но люди... вам, людям, всегда мало. – Узкий разрез жёлтых глаз стрельнул в меня ядовитой злостью. – Когда придёт твой отец, ты станешь моим волчонком. Я хочу, чтобы он увидел, чтобы понял, каково это.

– Папа... он...

– Любит тебя? – хмыкнула ведьма. – Посмотрим, будет ли он любить тебя диким зверёнышем. Я люблю своих детей и мужа любыми: и зверьми, и людьми, и больными, и здоровыми, и живыми, и мёртвыми. Всей душой, всем сердцем. В каждой косточке моей, в каждой капле моей крови – любовь к ним. А ты, человеческий детёныш, можешь так любить? Любит ли тебя так же сильно твой отец?

Я хотел закричать, что мой отец любит меня не меньше, но не смог сказать ни слова.

А она оглянулась на лес, что был виден из пещеры, прислушалась к звукам, что, возможно, не могли уловить мои человеческие уши.

Я вздрагивал от каждого шороха. Приближалась ночь. Лютая, уже не осенняя. А снег всё ложился на землю. И каждый час подгонял тот миг, когда охотники поднимутся на гору.

Я ничего не слышал, я метался в бреду. Горячка почти одолела меня, когда я остался один. Все волчата вдруг исчезли.

– Быстрее! – кричала ведьма, размахивая руками. – Спускайтесь по склону, по звериным тропам. Им там не пройти. Берегитесь огня.

Качнулись ветви елей. Я увидел только, как мелькнул волчий хвост. Ведьма оглянулась на меня.

– Они идут, – сказала она, вытянула шею и приплюснулась, раздувая ноздри. – Твой отец уже близко.

Было темно, но я видел ясно, точно днём. Словно на меня уже набросили волчью шкуру и разум мой уже подчинился звериному зову.

– Пошли. – Она ринулась ко мне.

Ведьма двигалась быстро, припадая на руки, как на лапы. Я попятился, захныкал.

– Не трогай, не трогай меня. Пожалуйста. Не хочу.

Речь моя была сбивчивая, плаксивая, истеричная. Ведьма схватила за руку, рванула. Я пытался вырваться, убежать. Меня поволокли по полу, по камням.

– Пошли, волчонок. Пошли... Будешь хозяином Волчьего лога. Будешь его зубами и когтями, будешь его стражем и его палачом.

Всё заволокло белым. Снег шёл сплошной стеной. Он лез в рот, в лицо, под одежду. Я сучил руками и ногами, только ведьме было всё равно. Я был лишь игрушкой в её руках.

Из темноты, со склонов донесся вдруг голос:

– Здесь тропа!

И сознание обмануло меня, заставило поверить, что это отец. Никто, никто, кроме него, не мог добраться до меня первым.

– Отец! – закричал я что есть мочи.

А ведьма захохотала, подхватила меня легко, как щенка, грохнула плашмя на огромный камень. Сознание моё снова помутилось. Только помню чёрное небо. И снег. И хохот ведьмы. И жёлтые глаза. И огни. И вопли.

А потом появилась она.

Она стояла у самой кромки деревьев, и я даже не сразу разглядел её, ведь фигура её – тонкая, бледная, обрамлённая серебром – пришла из зимы и была ей окутана.

Ох, читатель, как бы я хотел передать словами то хрупкое тонкое сияние, что разливалось вокруг!

И всё вокруг замерло. Стихли голоса, и снег закружил плавно, нежно. Он точно боялся потревожить её.

Она ступала осторожно, почти невесомо. Готов поклясться, что она не оставляла следов.

– Здравствуй, – сказала она, и я утонул в её голубых, покрытых серебряным инеем глазах.

Ведьма-волчица стояла тоже не шелохнувшись.

– Ты... – только и произнесла она, и я понял, что и ей овладело то же благоговение. Даже на дикую волчицу действовали чары.

Она была юна, чиста, изящна и нага. Только длинные волнистые светлые волосы, точно отражавшие лунный свет, прикрывали стройное тело.

Волчица не назвала её имени. Может, и не могло быть имени у кого-то настолько прекрасного и неземного.

Она протянула мне руку – я дал свою и послушно спустился с камня. Ведьма не возражала. Никто не мог возразить ей. И мы медленно дошли до кромки леса, держась за руки.

– Теперь тебе нужно уходить, – не отпуская моей руки, сказала она чистым, как пение хрустала, голосом. – Не оборачивайся.

Но я не решался оставить её. Страшнее всего мне стало оторвать от неё взгляд. Я боялся моргнуть, чтобы хоть на кратчайшее мгновение потерять из виду. Она улыбнулась, и лицо её вдруг из лица снежной королевы стало лучезарным, словно летний день.

– Но нас же, – вдруг раздался хриплый голос волчицы, – нас же совсем не останется. Что будет с нами?

Она повела головой. Снег царственным венцом ложился на её макушку.

– Этого не избежать. Нам всем приходит конец. И здесь, и повсюду в землях, куда ни пойдёшь.

Сердце моё сжалось от того, с какой горечью она это произнесла. И я готов был умереть в тот миг, лишь бы ей не было больно, пусть и не понимал до конца, о чём речь.

– Но я могу подарить тебе другой дом. Тот, что ещё можно спасти. Для тебя и для твоих волчат.

– Это не волчата, – неожиданно решительно произнёс я. – Это дети.
– Больше нет, – покачала головой она. – А ты – человек. Поэтому...

Медленно, так, что длинные пышные волосы колыхнулись волной, она наклонилась к самому моему лицу и прошептала:

– Возвращайся домой...

Невозможно было не утонуть в её ясных глазах. Но я успел только моргнуть, только потянуться, только понадеяться, что она заберёт меня с собой, как вдруг она сорвалась с места.

И, легко вскочив на камень, она сложила руки у рта и завывала. А ведьма-волчица, криво усмехнувшись, нерешительно оглянулась на меня.

В этот миг волчица решала мою судьбу. Один короткий миг, пока та, вторая – она – выла в зимнее небо. Ей нельзя было сопротивляться. И волчица тоже не смогла, закинула голову, подхватила волчью песню, и ветер поднялся, отвечая на их зов. И снег закружил бураном и скрыл от меня и деревья, и пещеру, и камень, и волчицу, и её.

– Нет! – закричал я. – Подожди! Забери меня. Забери! Я тоже хочу стать волком.

Это было наваждение, безумие, колдовство. Или горячка. Неважно. Больше всего на свете я мечтал бежать рядом с ней по лесу, и выть, и петь, и плясать.

Но ветер сбил меня с ног, а снег закопал в сугроб.

Меня вытащили после, когда буря стихла. Отогрели тут же, в пещере, у человеческого костра, накрыв человеческой одеждой.

На этом закончились мои жуткие видения.

Когда я оказался снова в замке Волчий лог и окончательно выздоровел, то, конечно, рассказал обо всём привидевшемся мне родителям и нянюшке и даже Пресветлому Брату и нашему управляющему, но все они заклинали меня ни с кем этим больше не делиться и, кажется, всерьёз посчитали, что я тронулся умом.

До сих пор не знаю, что из случившегося было правдой, а что нет. Но всё, описанное мной в статье, по-прежнему кажется мне правдивее всего, что мне пришлось пережить за мою жизнь.

Волки перестали нападать после той зимы и вовсе пропали из наших краёв. Только недавно в Волчьем логое заметили одинокого волка, но и того застрелили.

Других восьмерых детей так и не нашли, как и не нашли любых следов, что могли от них остаться.

После произошедшего я, запуганный родителями, старался ни при ком не упоминать о событиях той зимы, но, однажды соприкоснувшись с неизведанным, не смог устоять перед своей страстью к сказке и занялся изучением фольклора как своего родного края, так и всей Ратиславской империи.

Так, по настоянию своего научного руководителя Фёдора Николаевича Афанасьева, я решил написать и опубликовать эту статью в надежде, что те, кому известны похожие легенды, свяжутся со мной для дальнейшего изучения темы.

Когда я закончил свой рассказ, хозяева мои долго ещё молчали: кто потрясённо, кто задумчиво.

Первым заговорил граф:

– Какие у вас чудесные сказки. Вы и вправду писатель.

– Это не... – Я не решился возразить.

Он не поверил. Иного ожидать и не стоило. Никто, кроме моего учителя, никогда мне не верил. Даже Лёшка.

Настасья Васильевна лишь слегка наклонила голову к левому плечу, выдавая свой интерес, но спросила совсем о другом:

– Так вы князь?

– Да. Род мой очень древний.

– В родстве с Белозерскими?

– Нет-нет, мы, Белорецкие, к Белозерским не имеем никакого отношения.

Граф громко усмехнулся:

– Белорецкие, Белозерские – всё одно. В Рдзении каждая собака мнит себя князем. Но дворянской крови в них ни капли. Жалкие лойтурские холопы все до одного. Из всего рдзенского дворянства, может, только два-три достойных семейства.

Я дёрнул головой, выпрямился, точно штык проглотил, но доктор, вдруг оказавшийся позади, положил мне руку поверх моего сжавшегося кулака. Он предупреждал о поганом нраве и дурных манерах графа, но этого я не ожидал и всё же... стерпел. И потому что меня попросил об этом доктор, и потому что, буду честным, смалодушничал. Стрелок из меня неважный, фехтовальщик ещё хуже. Я мог оскорбить графа на четырёх языках, но что толку, если бы этот тёмный деревенщина всё равно не понял ни слова? Он бы вызвал меня на дуэль и пристрелил не глядя.

– Снег пошёл, – сказала Настасья Васильевна, хотя окна были зашторены, и её неувольная улыбка заставила позабыть о пережитом стыде. Она улыбалась тепло и будто бы одному только мне. – Распоряжусь, чтобы положили грелки в постели. Не хватало ещё заболеть в такую холодную ночь.

Отодвинув тяжёлую портьеру, она выглянула на улицу, но в тёмном проёме окон не было видно ничего, кроме кружащих крупных, словно птичий пух, снежных хлопьев.

– За ночь всю землю покроет снег, – уверенно произнесла Настасья Васильевна. – Так что, Мишель, мы обязательно заметим по следам, если ваша ведьма-волчица появится.

– Она вовсе не моя, – смущаясь под её взглядом, пробормотал я. Ох, честное слово, мне даже писать неловко и самому себе признаваться стыдно, какую власть эта женщина получила надо мной за один вечер, за один взгляд.

– Тогда ваша снежная королева, – не взглянув в мою сторону, сказала Настасья Васильевна. – Вы же её приехали к нам искать?

– Сказки, – пробормотал я робко. – Я собираю сказки.

– Но ищите вы не их. – Я не видел лица этой женщины, но знал, что она, глядя в тёмное окно, улыбалась.

– А кто она такая? – подала робкий голосок Клара.

Трепал огонь, и слышно было, как завывал ветер за окном, принося в Великолесье зиму.

Никто не ответил Кларе, потому что никто не знал ответа.

И мне пришлось признать себе: Настасья Васильевна права. Я искал её. Мой сон, моё лихорадочное видение. И в каждой сказке, в каждой песне, в каждом слове пытался найти её след. Беда только в том, что следов она не оставляла.

В отличие от ведьмы-волчицы.

Поэтому я сбежал из дома: потому что в Волчьем логое её больше нет.

Поэтому я исписал уже несколько десятков дневников, пытаюсь среди тысяч букв и запятых найти её черты...

Поэтому я приехал в Великолесье в погоне за призраком.

И вот я снова строчу. И не сборник для университета, как мне стоило бы сделать, а свой дневник.

Сижу, грею ноги и никак не могу согреться, хлюпаю носом и пью чай. Рядом сидит Клара и очаровательно краснеет, пытаюсь вышивать.

Очень злюсь на всё, особенно на карету и ботинки. Писать работу для университета никак не получается.

От злости накапал чернил в дневник.

Не знаю, в чём мне теперь ходить. Денег нет.

Merde

13 студня

Кажется, мои пальцы до сих пор пахнут кровью. Я часа два драил руки щёткой, а всё равно вижу и чую кровь. Merde.

Начну по порядку.

Да с чего тут начать?

Но нужно, нужно рассказать всё, даже если придётся писать всю ночь. Только тогда, наверное, смогу заснуть, когда передам всё бумаге. Вдруг это поможет и чернила смоют кровь с моих пальцев?

Начну прямо сначала, как приехал в усадьбу. Меня приняли как дорогого гостя, и, если не считать странного грубого поведения графа, всё было отлично. Но я давно привык к неотёсанности ратиславцев и не жду от них ничего другого. Честное слово, Лёшка – просто бриллиант, находка, настоящее сокровище. Порой и не верится, что такой человек может быть ратиславцем, хотя он самый что ни на есть потомственный ратиславский дворянин, а все ратиславские дворяне – душегубцы, каких поискать.

Но случились три приятных события.

Во-первых, *heureusement*⁶, несмотря на все признаки простуды, я проснулся совершенно здоровым.

Во-вторых, рано утром извозчик доставил мои вещи.

В-третьих, милая Клара обещала помочь в моей работе и провести в ближайшую деревню, а там найти старожилов, которые готовы поделиться быличками и сказками.

В общем, поначалу всё шло отлично. Мы с Кларой встретились рано поутру за завтраком.

– Мы будем одни, – предупредила она. – Граф уехал, отец уже работает, а Настасья Васильевна так рано не встанет.

Сонные слуги налили мне холодный кофе, и будь я ратиславцем, так выругал бы их последними словами, но мой отец всегда настаивал на том, что настоящий дворянин не показывает свои чувства, особенно в гневе, и сильную печаль, поэтому я грустно цедил этот ужасный, отвратительный кофе, пока его не попробовала Клара.

Хотя моему ли отцу учить скрывать чувства? Интересно, получилось ли скрыть ту дыру от пули над входными дверями в главном холле? Не представляю, как матушка объясняет это гостям. Не скажет же она, в самом деле, правду?

Он стрелял в меня. Мой собственный отец. Создатель! И он ещё надеется, что я вернусь?!

В общем, я терпел и пил холодный кофе, пока его не попробовала Клара.

⁶ К счастью (*фр.*).

– Ох, Михаил Андреевич, как же вы это пьёте? – спросила она с нескрываемым удивлением. – Маруся, Марусенька...

Слуги графа в его отсутствие, по-видимому, совсем не утруждают себя ни дисциплиной, ни хорошими манерами. Кларе пришлось самой подняться и сходить за этой Марусенькой, которая, к слову, так и не показалась на глаза, а всучила ей поднос с кофейником.

Горячий кофе я в итоге выпил, но на душе было по-прежнему как-то гадко.

После завтрака мы оделись потеплее (мне выдали сапоги графа. Было ужасно стыдно принимать подачки, но, вспоминая вчерашние мокрые ноги, я смирился со своим позором), и мы с Кларой окунулись в туман на аллее, что вела от хозяйского дома к мосту.

Под сапогами хлюпала вода, и вокруг чернела земля с белыми проплешинами. Зима, что, казалось, пришла минувшей ночью, стремительно отступала.

– Ох, как я не люблю это время, – выдохнула клуб пара Клара, потирая руки в перчатках. – Ни осень, ни зима. Сплошная мука.

– Согласно народным поверьям, это время перехода, когда границы между мирами живых и мёртвых стёрты. В это время начинается Охота. Впрочем, у нас в Рдзении верят, что Охота наступает позже, после зимнего солнцестояния. Тогда духи ночи и зимы несутся по небу и по земле, и, если им встречается случайный одинокий путник, они забирают его душу себе, и он присоединяется к вечному гону.

Голые деревья чёрными скелетами показались из плотного тумана, обступая нас с двух сторон. Наши голоса тонули в пустоте. Я заметил, как Клара посмотрела на меня. У неё очень серьёзные глаза и взгляд строгий, точно у учительницы. Не выгляди она такой юной, почти ребёнком, я бы точно встревожился от одного её взгляда.

– Госпожица Клара, – сказал я и только потом задумался, что вряд ли Клара благородного происхождения, и её не стоит называть госпожой, – это всего лишь поверье. Я, как фольклорист, обязан такое изучать.

Она кивнула.

– Понимаю. Вы не подумайте, что я деревенская дурочка, Михаил Андреевич. Конечно, у меня никогда не было гувернантки, и я тем более не училась в университете, но я много читаю. Перечитала уже всю библиотеку графа, а у него много трудов по философии, истории, по точным наукам. Даже по анатомии. Если что-то не понимаю, то спрашиваю у отца. А мой отец – настоящий гений. Представляете, я же родилась мёртвой, и матушка моя при рождении погибла. А отец смог буквально из мёртвых меня поднять. Не представляю, как ему это удалось, но все говорят, это настоящее чудо.

Она запнулась, поджимая губы. Она так старательно изображала из себя взрослую даму, что мне стало смешно и с трудом получилось сдержать улыбку.

– Я вовсе не считаю вас деревенской дурочкой, Клара. У вас пылливый ум настоящего исследователя. Буду очень благодарен, если поможете в моей работе. Без вас мне не справиться, я же совсем не знаю ни местности, ни здешних людей, ни обычаев. Хотя бы подскажите правильное направление, чтобы я понимал, с чего начать.

Светлые глаза смотрели недоверчиво.

– Я... могла бы рассказать вам о Курганово. Мы могли бы начать с этого, если хотите, Михаил Андреевич.

Я тут же потянулся за своим дневником, но Клара явно не собиралась останавливаться и пошла дальше, рассказывая на ходу, поэтому её слова я передаю по памяти. Надеюсь, ничего не перепутал.

– Странное название для усадьбы, не правда ли? Когда я была ребёнком и только-только начала учить ратиславский язык, Нюра, горничная, не на шутку меня запугала. Я же мало что понимала. Нюра сказала, что «курган» – это могила, и я решила, что мы живём на кладбище.

А ещё местные кметы... они такие суеверные. Вы сейчас увидите, когда мы дойдём: у них все дома в берегах.

На самом деле в Курганово вовсе нет могил, ни старых, ни свежих, но посреди поместья, здесь, недалеко от аллеи, стоят древние каменные строения. Их два, но в лесу, если пройти дальше, найдётся ещё великое множество. Деревенские называют их домовинами. Если не знаете, домовины – это такие домики, которые ставили раньше над могилами вместо знаков Создателя. Они действительно похожи на маленькие домики, как скворечники, только ставят их не для птиц, а для человеческих душ. Якобы дух усопшего поселяется внутри.

Домовины, которые стоят в Курганово, совсем иные. Они большие, размером почти с печь, и не деревянные, а каменные. Местные верят, будто в них живут духи Великолесья. Люди более учёные, которым довелось побывать в усадьбе, считают, что это древние захоронения, правда останков не сохранилось совсем, но это и неудивительно, ведь домовины открыты, и любой зверь может пробраться внутрь.

Подул ветер, и с покачивавшихся ветвей нам на головы пролилась талая вода.

– Ох. – Клара вжала голову в плечи и нахмурилась так строго, словно готова была отчитать несносный ветер за поведение.

Она остановилась, чтобы поправить воротник, и я заметил, как за её плечом что-то мелькнуло. Порыв ветра рассеял туман, и сквозь его белизну и черноту деревьев проступили размытые очертания здания.

– Что это?

– Лаборатория. – Она ответила не оглянувшись, только слегка поведя головой. – И оранжерея.

– Лаборатория?

– Граф и мой отец занимаются наукой.

Грандиозность строения потрясает. В тумане было не разглядеть крыши, и оттого оранжерея выглядела бесконечно высокой, стены её возвышались над деревьями, и даже хозяйский дом показался скромной лачугой в сравнении с этим исполином. Прошлым днём мы с доктором пришли в Курганово, когда моросило, и я особо не смотрел по сторонам.

Клара сделала несколько шагов, а я не мог сдвинуться с места, потрясённый до глубины души.

– Доктор... ваш отец, Клара, был прав. Нигде не видел ничего подобного. Курганово и вправду особенное поместье.

Она не успела ничего сказать. Раздался дребезг, крик, хлопок. А я, ох, мне до сих пор стыдно, припал к земле и закрыл голову руками.

Клара, напротив, сорвалась с места, бросилась с аллеи в туман, туда, откуда слышались крики. Я окликнул её, но она даже не обернулась. Создатель, надеюсь, никто не заметил моего позора. Я заставил себя подняться, побежать следом. Я звал её, пытался образумить. А выстрелы продолжали звучать один за другим.

Там, мимо длинной стеклянной стены оранжереи бежал... Создатель, я клянусь, что почти поверил, что это был не человек. Существо настолько странное, уродливое. Оно то припадало на руки, как собака, то подскакивало и бежало выпрямившись, как человек. Оно прыгало далеко, быстро. А мужчина в сюртуке стрелял ему в спину из револьвера.

Клара ловко перескочила через ручей, что тёк между аллеей и оранжереей. Я заметил, как она ловко пролезла через разбитое окно прямо внутрь.

Мужчина с револьвером оглянулся на меня мельком.

– Прячьтесь! – рывкнул он и сорвался с места, побежал за тем... странным.

Мне сказали спрятаться, но я и в этот раз ослушался, остановился, растерянно глядя вслед тому странному звероподобному существу, а оно вдруг пригнулось, прыгнуло и скрылось в кустах.

Его преследователь побежал следом, но куда ему, самому обычному человеку, было до этого существа.

Они оба скрылись в зарослях, а я так и остался на месте. Одеревеневший, отупевший. В голове не осталось ни одной мысли. Только оглушительный, леденящий страх.

– Vater⁷! – послышалось из оранжереи. Я дёрнулся, обернулся на звук.

На земле рядом с разбитым окном лежал стул. Из-за острых, точно зубья, осколков выглядывали густые заросли пышных иноземных растений. Под сапогами хрустело стекло. А из глубин оранжереи по-прежнему доносился взволнованный голосок Клары. Она звала отца.

Я заглянул внутрь, но залезть вслед за Klarой не осмелился. Она была ниже и, очевидно, куда ловчее, потому что стоило мне податься вперёд, как один из острых осколков царапнул по пальто.

– Merde, – вырвалось у меня.

– Как не стыдно, мольдой чельовек. Я оставил с вами мою дочь, а вы сквернословить. Доктор появился точно из ниоткуда, прямо за моей спиной.

– Доктор! – Я подскочил на месте. – Простите. Я... клянусь, я никогда. Просто... тут такое произошло.

– Знаю, идёйте. – В левой руке его тоже был револьвер.

Правой рукой он достал из грудного кармана ключ, прошёл чуть в сторону и вставил его в, казалось бы, совершенно гладкую зеркальную поверхность, которая на деле оказалась дверью. Вход в оранжерею отворился.

– Вы... – Доктор оглянулся на меня, и я прочитал в его взгляде сомнение и догадался, что он не был уверен, где мне будет безопаснее: снаружи или внутри.

Но голос Клары, раздавшийся из оранжереи, развеял сомнения.

– Идёйте, – повторил доктор и нырнул в заросли диковинных джунглей, что расцвели посреди ратиславских болот.

От нашего появления с ближайших кустов слетела стая чёрных, точно смола, бабочек, и я едва не врезался в кадку, удивлённо тараща на них.

Внутри оказалось темно. Густые зелёные ветви незнакомых деревьев свисали над нашими головами. Я и вправду точно очутился в другом мире. Только что под ногами хлопал снег и влажная водянистая почва усадебного сада, как вдруг вокруг расцвёл диковинный сад. Посреди глубокой осени там пышно цвели яркие, до вульгарности пышные цветы. И росли плоды – такие сочные на вид, такие удивительные, что страшно было их коснуться. Казалось, что страницы моих детских книг о далёких берегах ожили.

Но сквозь очарование сказочного леса, сквозь капли росы и душную влагу жаркого летнего дня промелькнула тьма. Она ощущалась почти физически, хотя сквозь высокий стеклянный потолок проглядывал рассеянный блеклый свет осеннего утра. Но тени бродили среди широких изумрудно-зелёных листьев, и тревожные звуки раздавались в стороне.

Доктор позвал Klarу, выкрикнул по-лойтурски, чтобы она скорее подошла к выходу, но её и след простыл. Мы остались в лесу посреди оранжереи совсем одни.

– Доктор, – не выдержал я, и собственный голос испугал меня, показавшись чужим. Он потонул в густой зелени, растаял в сумраке и тених, и я, вжав голову в плечи, повторил уже тише: – Доктор, что случилось? Что это за существо? Что вообще происходит?

– Тише, мольдой чельовек, – сердито нахмурился доктор, сводя на переносице белые, такие же идеальные, как его борода, брови. – Тише.

Знаю, я не герой, что вызовется на дуэль и будет щеголять оружием, но и не последний трус. Тем не менее среди этих странных деревьев и странных людей я вдруг ощутил себя бес-

⁷ Отец (нем.).

помощным, как в детстве. Словно на меня снова попытаются накинуть волчью шкуру. Словно я попал в мутный, неясный горячечный сон.

А потом раздался смех. Дикий, безумный, леденящий, от которого мурашки побежали по позвоночнику. Он отражался от стеклянных стен, звенел в осколках росы на листьях, в паре, поднимавшемся к потолку, он кружил голову, путаясь среди зарослей.

Смех всё звенел, звенел. Только на мгновение я поверил, что это была Клара. Но доктор завернул за угол, я за ним, и там на рассыпанной из поваленной кадки земли заметил следы. Волчьи. Я узнаю их где угодно.

– Стоять здесь, Микаэль, – велел доктор и с щелчком взвёл курок.

Я дёрнулся от звука, подался назад, и под моей пяткой что-то хрустнуло. От звука меня передёрнуло, и невольно взгляд устремился назад, туда, где за листвой скрывалась закрытая дверь. Выход был совсем близко. Но там – в аллеях графского сада – оставалось чудовище. Здесь – в чудесном заморском саду – лишь невидимая тень ужаса.

И всё же доктор достал револьвер. Он знал, что есть чего опасаться. Я тоже знаю это теперь. Но тогда воображение, проклятое воображение, что мучило меня с самого детства, что изменило всю мою жизнь, что вырвало меня из дома и побудило отправиться на эти болота... оно снова обмануло меня.

И откуда-то из глубин моих воспоминаний, из самых страшных, диких, чудовищных снов, раздалось:

– Mój wilczek.

И клянусь, я увидел её. Ведьму-волчицу. Не посреди заснеженного леса и каменных валунов, не в пещере, а среди пышных цветов, чьи ароматы кружили голову.

Она выглядывала из-за листвы. Бледная, нагая, седая. И улыбалась, морща старческое лицо. Светлые глаза сияли отчаянием и яростью.

– Mój wilczek, – повторила она. – To ty⁸.

Это было похоже на удар по голове. Ноги подкосились. Я попытался схватиться за край кадки с растениями, но руки безвольно подогнулись.

Как вдруг кто-то ударил меня по затылку. Я нырнул назад, и перед глазами закружился стеклянный потолок, и расплывчатый жёлтый круг солнца за редкими облаками, и верхушки деревьев, и цветы, цветы. Так душно пахло чужими, дикими, незнакомыми цветами.

Меня подхватила неведомая сила и плавно опустила на пол. Померк свет. Я остался лежать, задыхаясь от душного аромата заморских цветов. Как вдруг запахло собачьей шерстью. Нет. Волчьей. Я помню, до сих пор помню этот запах.

По груди скользнуло что-то тёплое, лёгкое, и на бёдра сверху кто-то опустился. Не старуха. Кто-то другой. Я знал это даже ослепнув. А шеи коснулся холод. Я замер, и кровь в голове застучала так громко, что, казалось, можно было оглохнуть.

– Он воняет, – послышался в стороне голос. Я узнал его даже спустя одиннадцать лет. Я не мог его забыть. Ведьма-волчица. Если я окончательно не сошёл с ума, то, клянусь, это была она. – Железом и камнем. Городом.

Перед моими глазами всё ещё стояла чернота, тело не слушалось. Но я ощутил, как вес с бёдер чуть сместился, и некто – некто, от кого пахло хвоей, землёй и шерстью, – наклонился к моему лицу. Щеки коснулась прядь чужих волос. Я вздохнул, уловив новые оттенки запахов и стараясь их запомнить: крапива, лопух и прелая осенняя листва. Восхитительно.

Это не сон. Не описать словами, какое чувство облегчения я испытал в этот момент. Все мои страхи, все сомнения развеялись. Она – не сон, не бред, не горячка, не видение. Она существовала. И все мои поиски, все странствия, все прожитые годы оказались не напрасны.

Нашёл. Наконец-то.

⁸ Мой волчонок. Это ты (польск).

Меня точно ударило молнией, и я едва сдержался, чтобы не закричать от радости. Безумец, какой же я безумец!

– Убей его, – издалека, точно из другого мира, раздался голос ведьмы-волчицы.

Лезвие ножа скребнуло по оголённой шее. Я судорожно выдохнул.

Мне грозила смертельная опасность, но сердце трепетало от счастья.

Не глазами, потому что зрение по-прежнему не вернулось, но душой я словно увидел её – светлую, нежную, неземную, сотканную из солнечного жара и зимней стужи, что сливались воедино.

– Ты прекрасна, – прошептал я, пусть и не видел её. Мне хватало ласки волос на лице и жестокого клинка у шеи.

В глазах всё ещё было черно, и я мог только молиться, чтобы увидеть её, живую, из крови и плоти. Не видение, не сон, не воспоминание. Настоящую девушку. Но мне остались только ощущения. И тепло чужого тела. И тяжесть на моих бёдрах. И запахи, эти запахи полей, и лесов, и болот, что обволокли меня и отгородили от всего остального мира невидимой стеной.

Но вдруг пропал холод лезвия. Исчезли запахи. Раздался шорох, и пропала тяжесть девичьего тела.

Шаги.

Я хотел закричать, вскочить, схватить, умолять. Я так хотел поверить, убедиться, узнать точно, наверняка, что это не сон. Не очередное видение. Но она снова исчезла.

А я потонул в душных ароматах цветов. И пол подо мной закружился, завертелся, всё исполинское здание оранжереи поплыло в сторону, и меня потянуло вместе с ним.

Я вынырнул из небытия так же резко, подскочил, присел прямо на полу. Клара отпрянула, вытянув руку с нюхательными солями.

– Михаил Андреевич, – удивлённо выгнула она брови, и я не сразу заметил в её глазах беспокойство. – Вы в порядке?

– Где она?

Точно бешеный, я крутил головой и всё повторял одно и то же. Подскочив на ноги, я заметался среди кадок, и доктор вместе с тем мужчиной, который преследовал сбежавшее существо, ловили меня среди грядок и клумб. Доктор кричал на меня, ругался грязно то на лойтурском, то на ратиславском, то вообще на троутоском, но я не мог успокоиться, пока Клара не выскочила мне навстречу, не схватила за руки.

– Мишель!

В этом дружеском для меня обращении (ведь так меня обычно зовёт Лёша и другие ребята из университета) было что-то, от чего я, наконец, прислушался, точно протрезвел.

– Мишель, – строже повторила Клара. – Вам нельзя... вот так. Вы ударились. Вам надо срочно сесть.

– И дать мне осмотреть вас! – звенящим от гнева голосом добавил доктор, выбегая из зарослей. – Два! Два удара по голове за два дня подряд. Вы вообще понимаете?! Это же кошмар!

– Кошмарь.

Точно растеряв все силы и огонь, я опустился на табурет, который тут же любезно подставили. Все суетились вокруг, задавали вопросы, проверяли мою реакцию, зрение, прочие признаки здоровья, а я только растерянно выполнял требуемое. Задать вопрос я решился не сразу, да и сделал это стыдливо, нерешительно:

– Кто эта девушка?

– Кто?

– Девушка со старухой. Где они?

Клара выглядела перепуганной до смерти и молчала.

– Нет и не было никаких девушек со старухами, это мужчина сбежал, – мрачно и, как мне показалось вначале, сердито ответил тот, с револьвером.

Никто не понимал, о чём речь, и мне пришлось уточнять, объяснять, что на меня напали девушка и старуха. Я убеждал их долго и совершенно безуспешно, потому что все трое отрицали их существование.

– Здесь был только крепостной графа, – наконец сердито произнёс доктор. – Он... больной. Душевно. Вы видите, какой беспорядок он учинить? Откуда здесь девушка и старуха? Чепуха. Вы ударитесь. Я говорил. Вам надо лежать.

Перед глазами тут же всплыл звериный силуэт, что убежал из оранжереи. Как могло это существо быть человеком? Мои сомнения не укрылись от остальных, и, пока доктор что-то строго выговаривал Кларе, его помощник по-простецки представился Пахомычем и объяснил, что в этом и заключается научная работа графа Ферзена и доктора Остермана.

– У нас в Великолесье всегда народ такой... причудливый был. Среди женщин много кликуш, и вообще... ведьмы они все поголовно, а те, что сами не ведьмы, то обязательно с ведьмами якшаются. Мужики тоже... того. Сами видели. Сила звериная, а разуму меньше, чем у собаки. В общем, пока граф не взялся за дело, мы даже не знали, что с этой напастью делать. А теперь ничего. Всех больных сюда привозят, лекарствуют, ухаживают опять же за ними.

Оказалось, что и растения в оранжереи все завезены не просто так, а именно с целью поиска лекарства от безумия, что охватило Великолесье. Когда же я спросил, в чём первопричина таких болезней у кметов – может, ядовитый болотный воздух, или лесные растения, или какая-то пережитая эпидемия (а я читал, что тяжёлые болезни порой дают серьёзные осложнения и влияют на душевное здоровье), Пахомыч сказал вот что:

– Не было ничего такого. У нас одна беда: Великий лес. Он ведь... живой. Своим разумом обладает. И дети его нас, людей, ой как не любят, вот за это и посылают безумие. А безумные – они же как звери. Силы им не занимать. А человеческого остаётся всего ничего. Бешеные. Сами понимаете, господин, как с бешеными псынами да лисами.

Он точно невзначай поправил револьвер на пояс, и по коже моей пробежали мурашки. Как бы ни опасен был тот несчастный, мне стало его жаль. Никто – ни человек, ни зверь – не заслуживает такой жестокой участи: потерять разум, потерять самого себя, чтобы быть пристреленным хладнокровно и безжалостно.

Я не стал расспрашивать, что стало с тем беглецом. Всё и так было ясно.

– Что же, получилось у доктора найти лекарство?

– Пока нет.

– И то существо, которое вы преследовали, это с ним сделала болезнь?

– Да, Тишка-пекарь. Хороший был мужик, из Мирной родом. В прошлом году понесло его по осени, вот сюда привезли. Только этой осенью, видите, хуже стало. Совсем озверел.

В духоте оранжереи голова закружилась, и дышать стало нечем. Я посчитал, что, раз опасности снаружи больше нет, Клара найдена, а несчастный Тишка погиб, можно выйти обратно на свежий воздух.

Но на прощание доктор попросил нас с Кларой воздержаться от посещения деревни и остаться на территории поместья, несмотря на то что юродивый был пойман.

– В деревне всех волновать новостями, – предупредил он. – А новости тут летать слишком быстро. Ничего не скроешь. А вам, молодёжь чельовек, надо лежать. Повторяю!

Разочарованный, разбитый, на шатающихся ногах, я сначала попытался выйти из оранжереи прямо через разбитое окно, но Клара, к счастью, меня остановила.

– Михаил Андреевич, – она осторожно потянула меня за локоть, – тут же дверь есть. Не нужно. Это я так... с перепугу за папеньку. В прошлый раз он еле выкарабкался.

Оказалось, такие побеги пациенты совершали не раз, и некоторое время назад один из них напал на доктора и едва не перегрыз тому горло.

На улице было свежо, и, вывалившись из духоты в прилипшей к телу рубаше, вытирая пот со лба, я долго и жадно дышал, а сам (каюсь, безумие моё, видимо, не меньше, чем у местных больных) шарил глазами по кустам и деревьям и всё надеялся, что увижу мелькнувший девичий силуэт или услышу голос, замечу следы на влажной траве. Создатель! Я настолько отчаялся, что мечтал увидеть даже уродливую ведьму-волчицу, снова услышать её мерзкий голос.

Но ничего. Никого.

Оказывается, Клара долго звала меня по имени, но я не слышал её и всё искал, ждал, но... стоило признать простую истину: мне показалось. Всё. С самого начала, ещё тогда, в детстве. Даже сейчас, пока я пишу эти слова, руки мои трясутся, я уже наставил несколько клякс. Потому что всё, всё, о чём я мечтал, всё, к чему стремился долгие годы, оказалось ложью.

А доктора всё это время были правы. Я безумен. Может, не в той же степени, что несчастные пациенты Густава Остермана, но болен и даже не знаю, где искать лекарства, у кого просить о помощи. Может, не зря судьба привела меня в Курганово? Может, тут и есть моё спасение?

Я пытаюсь найти какой-то смысл, хоть какой-то свет во всём происходящем, но на самом деле во мне нет ни надежды, ни радости. Только горькое ужасное отчаяние. Точно как когда я разбил витраж в семейной часовне и прекрасное изображение святой Лаодики рассыпалось вдребезги. Её больше не собрать, больше не разглядеть сквозь разноцветные стёклышки поля Волчьего лога, больше никогда не увидеть светловолосую, грациозную, царственную и точно слепленную из льда – и оттого так похожую на неё – Лаодику.

А сейчас я подумал: может, поэтому моё болезненное воображение и подкинуло такой образ? Потому что всё своё детство я ходил на службы в часовню и, вместо того чтобы слушать Пресветлого Отца, любовался изящным наклоном головы Лаодики? Когда пропали первые дети, я молился ей каждый день и однажды случайно толкнул тяжёлый подсвечник так, что разбил нижние ярусы витража. Пресветлый Отец обвинял меня во всех возможных грехах и грозился, что теперь святые прогневаются на нас и не вернут пропавших детей, и я в ужасе прорыдал до самого вечера.

Теперь, переосмысливая все события прошлого, я думаю, что это и вправду разумное объяснение.

Так не разумно ли, что горячка подкинула мне образ, столь близкий к святой? Что моя чудесная спасительница представилась настолько похожей?

Сейчас я могу думать об этом уже чуть осознаннее, и мысли стали понятнее и яснее мне самому. А тогда, выбравшись из оранжереи, я был поражён, разбит. И осознание навалилось резко, тяжело, оно рухнуло прямо на голову, и я, не выдержав, опустился прямо на землю, чем сильно перепугал бедную Клару.

Она кружила, всё задавала вопросы, даже попыталась позвать на помощь своего отца, и только тогда я пришёл в себя и бесцеремонно схватил её за руку, умоляя никого не беспокоить.

– Вам же дурно, Михаил Андреевич. – Она взяла мою руку в свои. Поджимая тонкие губы, она умудрялась всё же выглядеть хладнокровно, как настоящий доктор, но её выдавал звенящий голос. – У вас пальцы ледяные.

Мне ужасно хотелось выдернуть руку. Не люблю чужих прикосновений. Хватило с детства, когда доктора вертели и крутили меня, а няня и гувернёр пытались «сделать из меня приличного человека», постоянно поправляя то воротник и манжеты, то мои курчавые волосы (а они ужасно непослушные, в матушку, но её причёску могли удержать хотя бы несколько десятков шпилек, мне же приходилось стричься коротко, чтобы не выглядеть «как дикий лесной зверёныш» и не раздражать своим видом отца, хотя, честное слово, не вижу ничего преступного в моих кудрях).

Так вот, прикосновения мне кажутся ужасно неприятными, я даже к рукопожатиям отношусь с лёгким отвращением и едва выдерживаю это проявление вежливости. А тут меня взяла за руку совершенно незнакомая девушка. С одной стороны, мне было невыносимо тяжело перенести её прикосновение, с другой – это вырвало меня из того полубредового состояния, в которое я впал.

Реальный мир, в котором фантазии оказались бредом сумасшедшего, а моя спасительница – всего лишь образом, вдохновлённым витражом, показался серым, холодным и пугающе скучным. Я смотрел на Клару – живую, очень настоящую и совершенно не выдуманную – и не мог решить, что делать дальше.

Я приехал сюда, в это Создателем забытое Великолесье, только ради одной цели. Настасья Васильевна целиком права. Все эти годы я потратил на сказания и былички не ради науки, не ради великой цели. Я оставил родителей, замок, своё имя, свой титул, состояние – всю жизнь, что полагалась мне как наследнику князя Белорецкого, – только по одной причине. Я был безумен и поверил в своё безумие.

– Что же мне делать? – спросил я Клару.

По-злому смешно, иронично вышло, что спрашивал я совсем о другом – я не понимал, что мне делать теперь со своей бессмысленно потраченной жизнью, – но Клара, конечно же, не зная ничего этого, поняла всё совсем иначе.

– Отец запретил нам идти в деревню... но знаете, Михаил Андреевич, он же ничего не сказал про сам Великий лес.

Это показалось мне странным, потому что мы и так находились в Великолесье. Я понял, что эта разумная, очень серьёзная, даже чересчур серьёзная на первый взгляд девушка задумала нечто, что здесь могло посчитаться скандальным или даже опасным.

– Вовсе нет, – замотала головой Клара, отчего её ленты в волосах замотались словно хвосты.

Клара объяснила мне, что Великолесье в понимании жителей это не столько местность со всеми поместьями и деревнями, как она обозначена на картах и в государственной документации, но в первую очередь Великий лес. Она обещала нарисовать примерную карту и описать поверья о лесе, а также рассказать о самом Курганово. Её заметки вставляю сюда, чтобы не потерять.

Клара Остерман

О ВЕЛИКОМ ЛЕСЕ И КУРГАНОВО

Великолесье – область, что охватывает Великий лес и многие деревни, что расположены недалеко от его границ.

Сам же Великий лес – это только лес, который даже сейчас остаётся диким и недоступным для человека. Все попытки заселить земли заканчивались провалами.

Так, например, в 1015 году по велению Александра Первого было основано сразу несколько рабочих поселений, целью которых ставилась добыча и обработка дерева, были профинансированы экспедиции с целью добычи золота, угля, глины и др., но все города не простояли и года. Один из них сгорел, другой провалился под землю, а третий затопило. Выживших было пугающе мало.

Следующую попытку освоить Великолесье предприняли уже в 1056 году, но серия лесных пожаров уничтожила новые поселения и заставила отложить идею на более поздний период.

Единственный, кому удалось относительно закрепиться на землях Великого леса, это граф Александр Ферзен. Его усадьба частично располагается на территории бывшего леса.

Курганово подарено Александру Ферзену императором Александром Вячеславовичем в 1210 году за заслуги перед отечеством. Дату основания можно найти на больших воротах на въезде, она вписана в герб рода Ферзенов.

Прежде, до приезда графа, на месте Курганово были леса, и никто не жил. Деревенские до сих пор рассказывают небылицы, будто земля принадлежит духам Великого леса, и ступать на неё нельзя.

Стоит признать, что места и вправду дикие, болотистые, неприятные для проживания, но графу удалось немислимое, и он быстро превратил Курганово в одно из самых красивых и богатых поместий во всей Ратиславии, а значит, и империи.

От меня: я перерисовала из карт, что хранятся в библиотеке, схему усадьбы (вы можете посмотреть оригиналы и, быть может, сделать более точный чертёж).

Великий лес – это огромный лесной массив, раскинувшийся на много тысяч вёрст от Курганово на восток. Большая часть территорий его

не исследована, это опасные и дикие места, в которых даже самые опытные путешественники часто пропадают. Все попытки освоить земли или вырубить лес (помимо той земли, на которой стоит Курганово) не увенчались успехом. К слову, граф не оставляет попыток использовать местные ресурсы. Вам лучше спросить его, но помимо запасов древесины должны быть залежи угля и торфа, особенно что касается так называемых Мёртвых болот дальше на юго-восток.

В Великом лесу обитает немало диких животных. Граф и отец полагают, что некоторые из них до сих пор неизвестны науке. Несколько раз деревенские охотники приносили отцу для исследования останки странных зверей, но, к сожалению, те слишком плохо сохранились, чтобы сделать какие-либо выводы.

Несмотря на опасности, здесь издавна обитают люди. Деревня Мирная упоминается ещё в пятом веке, когда туда заезжал князь Вячеслав Окаянный.

Местные суеверны и считают, что Великим лесом правит леший, они называют его просто Хозяином и рассказывают разные легенды. Например, что у него нет тела вовсе и он показывается случайным людям то в образе коряги, то дерева, то вообще камня, но чаще принимает облик медведя. Леший похищает младенцев, насылает волков на скотину и всячески вредит людям.

Есть у него на службе лесавки (мёртвые незамужние девушки, которых забрал к себе в жёны леший), ауки, оборотни и множество самых разных немыслимых чудищ.

Великий лес от всего Великолесья отделяет незримая граница, на которой стоят каменные изваяниями, похожие на домовины на старых языческих кладбищах. Местные верят, что в этих каменных домиках живут духи леса, которые охраняют владения лешего.

Особенно местные любят сказку о Совиной башне (подозреваю, что название заимствовано из рдзенской истории). Якобы когда-то очень давно посреди леса стояла высокая башня, в которой обитали совы-оборотни. Это были могущественные чародеи, что превращались в птиц и охраняли Великий лес. Старшей из них была лесная ведьма, или, по-другому, Лесная Княжна.

Чтобы ничего не перепутать, я попросила Марусю продиктовать сказку о башне.

Марья Ивановна, крепостная графа Ферзена

СКАЗКА О СОВИНОЙ БАШНЕ И ЛЕСНОЙ ВЕДЬМЕ

Когда-то давно в деревне у Великого леса жили дед с бабой. Всё у них было хорошо, но никак не давал им бог детей. Горевали дед с бабой, горевали, молились Создателю о ребёночке, пока однажды не забрёл к ним в дом дряхлый старец. Одна нога у него волочилась, горб к земле пригибал, а глаза он опускал.

Говорит старец, мол, дайте мне напиться. Не могу, умираю от жажды.

Баба его напоила, а старец тут же просит накормить его. Не могу, умираю от голоду.

Баба его накормила, а старец тут же жалуется, на постой просится. Не могу, от усталости с ног валюсь.

Баба ему на печи постелила. Старец благодарит, спрашивает, чего ты больше всего желаешь. Старуха жалуется, что ребёночка у них нет.

А что, говорит старец, за ребёночка отдашь?

Да что угодно, говорит баба. Только бы младенчика понянчить, чтобы малютка сердце родительское радовал да рос здоровым и сильным.

А потом, говорит старец, что делать будешь, когда вырастет?

А потом коли сыночек родился бы, так хозяином стал в доме. А коли девочка, так её всё равно в чужую семью отдавать.

Удивился старец. Говорит, не жаль ли родную дочь отдавать в чужую семью?

А баба разболталась. Отвечает: всех девочек только для того и растят, чтобы в чужую семью отдать. Такова бабья доля.

Лёг спать старец. Дед с бабой тоже заснули, а ночью как просыпаются, изба ходуном ходит, а на печи по-звериному кто-то воет. Зажгли огонь, смотрят, а никого и нет. Ни старца, ни зверя, ни души. А вой не затихает. Испугались они, выбежали во двор, а там стоит старец. Говорит, добрые вы люди, заслужили ребёночка. Всё вам будет, только в срок на восемнадцать лет. Потом ребёночек ко мне на службу уйдёт.

Дед с бабой ни живы, ни мертвы, возразить не смеют. Упали к нему в ноги и только молят о пощаде. А баба, сидя на коленях, смотрит и видит, что одна нога у старца человеческая, а вторая медвежья. Потому он и хромотал так. А глаза, которые он прятал, в темноте золотом горят.

– Помилуй, – закричала баба, – хозяин-леший. Что хочешь забирай, только живыми оставь.

Леший, а это был он, хлопнул в ладоши, захохотал да сквозь землю провалился.

А скоро у деда с бабой и вправду ребёночек родился, девочка. И до самых восемнадцати лет жила она на радость матери с отцом. А на восемнадцатый её год пришёл леший, говорит, отдавайте дочь за меня замуж, она мне обещана.

Заплакала девушка, взмолилась о спасении. Не хочу, говорит, замуж за старика-лешего. Дед с бабой взяли да спрятали её в избе, а лешему сказали, что умерла их дочь. Леший как зарычит, завоет. И изба загорелась. Едва успела девушка выбежать.

Побежала девушка в храм, к Создателю за спасением, а леший обратился волком да за ней побежал. Дед схватил лук, выстрелил вслед волку да попал. Умер волк, да только тут же леший в медведя переродился.

Девушка уже до реки добежала, а за рекой и храм видно. Только медведь её на мосту нагоняет. Взмолилась она Создателю, сама мост перебежать успела, а тот под медведем взял и обвалился. Упал медведь в реку, утонул, но только леший обратился вороном, полетел в погоню.

Девица добежала до порога храма, а там на самой маковке сидела сова. Слетела к ней сова, отдала своё пёрышко, и девушка тоже совой обратилась.

Только в храм сове уже не попасть. Схватил её ворон и унёс с собой в лес, в высокую башню без дверей, с одним только окошком на самой вершине. Днём сидит девушка в башенке в девичьем облике, мужу своему лешему служит, а по ночам обращается совой и только тогда успевает долететь до опушки, поприветствовать матушку с батюшкой и обратно полететь.

Так девушка до сих пор в лесу и летает, стала женой лешего, охраняет его границы. И дочери её стали совами, сторожат владения отца, никого не пускают в Великий лес. Если когда услышишь, как по ночам совы кричат, так это они родных своих кличут, скучают.

Так за разговором мы дошли до первой домовины. Не могу судить о возрасте строения, но выглядит оно древним и весьма неказистым. Вспоминать тут о мастерах каменного зодчества не стоит, даже деревянные домовины на кладбищах выглядят куда изящнее и искуснее.

Домовина плотно заросла мхом. Как мне показалось, я разглядел на камне несколько узоров, но разобрать их было сложно. Время и природа разрушили изначальный рисунок (если он был), поэтому я предложил Кларе осмотреть и вторую домовину, но она, увы, была в ещё худшем состоянии: крыша провалилась, камень оказался расколот прямо посередине, причём Клара утверждает, что ещё недавно домовина была целой.

Но оставались ещё домовины за пределами усадьбы, в самом лесу.

– В конце концов, отец запретил ходить в деревню, но не в лес. – Клара с опаской оглянулась в сторону усадьбы.

Наверное, такой правильной девушке тяжело послушаться родителей. Знаю, я часто произвожу похожее впечатление на людей. Никто из них даже не догадывается, в каких отношениях я нахожусь с родным отцом.

С детства ненавижу лес. И дело не только в ведьме-волчице, о нет. Мой почтенный отец приложил немало усилий, чтобы я возненавидел лес, оружие, охоту, звуки выстрелов, гончих, лис и кабанов. Последних трёх мне жалко как невольных жертв всей этой дикости.

До сих пор не могу забыть, как отец взял меня охотиться на лис. Вся эта грозная кавалерия во главе с князем Белорецким, погони, вопли. До сих кажется, слышу, как визжали бедные лисы, когда их травили собаками. Я не посмел попросить отца отпустить меня. Слова не смог выговорить. А он протащил меня поближе, поставил вперёд своей свиты и товарищей, чтобы я всё лучше видел. И я знал, что, если отвернусь, хотя бы зажмурюсь, мне потом несдобровать. И пришлось увидеть всё, что там произошло.

А после случился пир. До сих пор тошнит от запаха вина. Эти потные, грязные тела князей да баронов валялись на земле вокруг костра совсем не благородно. Где была их дворянская честь в тот момент?

Я хотел пойти к собакам, как часто это делал в замке, когда желал найти утешение, но их морды всё ещё были перепачканы в крови, и я не мог понять, как мои лучшие друзья, эти чудесные весёлые существа, способны совершить нечто настолько ужасное с несчастными лисами.

Так и получилось, что я остался один на берегу Бездонного озера, у которого мы встали на ночёвку. Поутру весь лагерь скопом собрался, отец вместе со всей своей многочисленной свитой сорвался со стоянки и унёсся обратно к замку. И никто, ни одна живая душа, не вспомнил обо мне. Я пребывал в таком ужасающем оцепенении, что смотрел им вслед и даже не мог позвать отца.

У озера я просидел почти до обеда, к счастью не один, а со странным мужичком, местным пропойцей, вонявшим тинной, укутанным в рыбацкие сети и курившим махорку. Он предложил покурить и мне (отчего я, совсем зелёный мальчишка, конечно же, закашлялся. Махорку с тех пор тоже ненавижу), угостил рыбой, приготовленной тут же на углях, оставшихся после княжеского костра, и до самого обеда развлекал игрой в кости и сказками о русалках...

Создатель... а может... нет, только если допустить самую невероятную мысль, что я всё же не сошёл с ума и ведьма-волчица существовала на самом деле...

Merde! Я три года изучаю народные поверья, но только сейчас вспомнил эту историю. А ведь по всем приметам это водяной. Как бы хотелось теперь, со всеми моими знаниями, вернуться к Бездонному озеру и узнать побольше о местных легендах. В детстве я любил сказки нянюшки, но не пытался их записать, только запоминал, а память, увы, может подвести.

*Водяной
Много курит
Соблазняет девок и утаскивает под воду
Любит играть в кости
В волосах и на одежде тина и водоросли*

В отличие от русалок это не утопленник, а вполне себе обитатель озёр и рек. Никаких упоминаний о насильственной смерти водяного я не встречал. Вопрос, кем тогда становятся мужчины-утопленники?

У Бездонного озера я оставался до самого обеда, но даже вернуться за мной сам отец не смог, потому что оказался, как сейчас подозреваю, слишком пьян, и приехал мой кузен, который к тому же ещё и выпорол меня за то, что я потерялся. Стоит ли говорить, что в дальнейшем я всегда старался придумать отговорку или притвориться больным, чтобы не ехать на охоту? Впрочем, это не спасло от того случая с волком...

Так вот, несмотря на свою ненависть к дикой природе, я пошёл вместе с Кларой, желая увидеть другие домовины. В конце концов, заходить глубоко в лес было не нужно, а опасность в виде сбежавшего пациента миновала. Бояться, казалось, нечего.

Следы волчьих лап на снегу, что не успел растаять, заранее нас насторожили.

– Выглядят свежими, – произнесла Клара. – Снег выпал ночью...

– Думаю, они уже далеко убежали, – попытался я подбодрить девушку, хотя и мне самому стало не по себе.

Но стоило увидеть третью домовину, как я обмер на месте и позабыл про волков, сумасшедших и вообще про всё на свете.

Нет, это всё, конечно, может быть просто совпадением. Чтобы не сойти с ума и не увязнуть окончательно в своих фантазиях, в глупой, наивной вере в чудесное, я должен, обязан искать тому логическое объяснение.

Но в Курганово я нашёл каменную плиту, какую видел тогда около волчьей пещеры. В ночь моего похищения она была сильно замечена снегом, но я вернулся позже, спустя много лет. На поиски ушёл не один месяц, и пришлось нанять проводника. Отец радовался моей увлечённостью. Он считал, сын наконец-то проникся охотой. Пришлось даже подстрелить оленя, чтобы поискам не помешали и было похоже на то, что я действительно рыскаю по лесам с ружьём наперевес. На самом же деле я, словно помешанный, лазил по горам днями напролёт, пока наконец один старожил не вспомнил о «проклятом камне». Почему камень тот проклятый, он так и не объяснил, зато подсказал, где его искать.

Всё было почти как в моих детских воспоминаниях и всё же иначе. Стояла поздняя весна, и лес ожил яркой зеленью и пением птиц, когда мы с проводником добрались до пещеры. Она казалась заброшенной и дикой, сложно поверить, что когда-то в ней горел огонь и жили люди. Напротив входа мы и вправду нашли груды камней. Очевидно, что прежде это место служило каким-то алтарём или даже небольшим строением, настолько много там было осколков. Кто-то очень постарался разбить камень на мелкие куски.

Мы с проводником провозились два дня, разгребая груды и пытаясь найти что-нибудь уцелевшее, что подсказало бы, как оно выглядело прежде. Всё, что получилось обнаружить, это пара узоров, выдолбленных на гладкой поверхности. Точно мозаику, мы собрали их по кусочкам. Все знаки я зарисовал и впоследствии разглядывал так часто, сравнивал с другими узорами, знаками, разными языками, пытаюсь понять их смысл и даже показывал нескольким профессорам в Новом Белграде, но поиски оказались безуспешными. И вот, за много вёрст от дома, я снова увидел их на каменной домовине в Курганово.

Моё удивление тяжело было скрыть. Клара пыталась задавать вопросы, но я только мотал головой, бормотал, словно умалишённый, что-то себе под нос и жадно рисовал в дневнике.

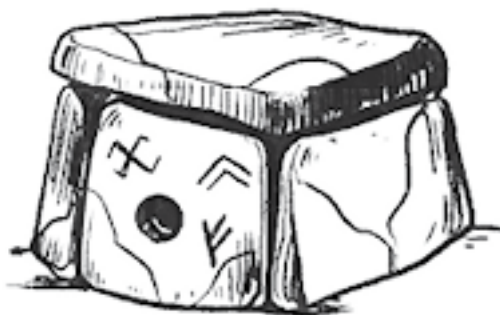
Домовина и вправду прекрасна. Она стоит среди деревьев, укрытая жёлтой листвой точно золотым покрывалом. А как волшебное пахло, как бывает только в осеннем лесу.

Не представляю, как я мог не почувствовать ничего, помимо этого. Сейчас это кажется таким очевидным.

Словно ребёнок, получивший долгожданный подарок, я бегал вокруг домовины, разглядывая её со всех сторон, но не залезая внутрь.

Третья домовина, в отличие от тех, что стояли в Курганово, сохранилась в прекрасном состоянии.

– Когда-то те две были такими же, – сказала Клара без всякого восторга. Её домовины пугают, это очевидно.

Осенью темнеет стремительно, а этот день был настолько пасмурный, что уже к обеду казалось, будто наступил закат.

Когда я закончил обследовать всё снаружи, рассмотрел знаки, перевёл их на бумагу, то наконец спросил, зачем домовины делают полыми.

– Деревенские верят, что это домики для духов.

Тогда я ещё не знал сказку о лешем и совах. Впрочем, и сейчас не улавливаю связи между ними.

И тогда я полез внутрь. Домовина оказалась достаточно большой, чтобы там поместился взрослый человек, а то и двое, если они невысокого роста. Я забрался внутрь по самый пояс. В лесу, под сенью густых деревьев да ещё в такую погоду было слишком темно. Иначе я бы сразу заметил, что случилось.

Там что-то лежало. Мягкое, тёплое. Я нашарил его руками и обмакнул пальцы в нечто вязкое, влажное, отшатнулся так, что ударился затылком о потолок домовины.

– Клара, у вас есть платок? Я перепачкался.

Выставив перед собой руки, я вылез и только тогда увидел, что пальцы мои в крови.

Клара завизжала, я застыл на мгновение и, придя в себя, снова заглянул в домовину. Не соображая, я обтёр руки об одежду, за что себя сейчас кляню, ведь это единственная моя приличная одежда. Пришлось снова принять помощь от графа.

– Вы в порядке? – зачем-то спрашивал я у темноты внутри домовины. – Я помогу вам. Сейчас, сейчас...

Как я сразу понял, что там человек? Почему не подумал про раненое животное, что забралось туда умереть, как делают кошки и собаки? Нет, я сразу догадался. И когда, задержав дыхание от страха, сунулся обратно обеими руками, потянул, то нащупал чужие волосы. Не соображая, дёрнул... не знаю, как объяснить все мои действия. Если только шоковым состоянием и неопытностью. Никогда прежде со мной не случилось ничего подобного.

Создатель, не хочу это вспоминать, но обязан всё записать как было.

Я вытащил человеческую голову. Девичью. С длинной пшеничной косой. Руки мои окаменели, и некоторое время я сидел на земле, держа перед собой эту окровавленную, отрубленную, нет, скорее по-мясницки грубо отделённую от шеи голову с искажённым в немом крике ртом.

А на щеках и лбу были вырезаны те же знаки, что на камне.

Клара закричала обрывисто, заикаясь, попятилась к деревьям. До меня донеслись отвратительные звуки. Ей стало плохо. Но я смотрел только на эту голову. А потом... не знаю, не могу объяснить, что на меня нашло. Я положил эту голову на крышу домовины и лихорадочно полез обратно внутрь. Я даже не подумал помочь Кларе. Вместо этого вслепую нашарил руками ткань и потянул.

Так по кусочкам я вытащил погибшую девушку: её руки, ноги, туловище. Всё это было отделено друг от друга. И на всём теле её были вырезаны знаки, повторяющие символы с поверхности домовины.

Клара долго, явно не раз звала меня по имени, а я словно припадочный (всё больше склоняюсь к версии, что я действительно безумен) раскладывал части тела на земле, словно пытаюсь собрать несчастную девушку целиком. Знаки... эти знаки. Я пытался запомнить их порядок, но Клара вечно пыталась сбить меня. Имеет ли это какое-то значение?

– Нам нужно идти. Михаил Андреевич! – Клара закричала мне прямо на ухо. – Хватит. Я... я сейчас тут умру. Пойдёмте, прошу, прошу...

Её полный отчаяния крик наконец отрезвил меня.

– Что это значит?

Она растерялась и, кажется, не так поняла вопрос. Я говорил о знаках, об их смысле, но она прошептала синими губами:

– Вам же говорили, в Великолесье волки нападают на людей... Это уже третья за этот год.

– Волки?

Только последний дурак поверил бы, что такое мог сделать волк.

– В прошлый раз было так же?

– Что?

– В прошлый раз тела находили расчленёнными и с вырезанными знаками?

– Откуда я знаю?! Я их никогда не видела. Папа осматривал девушек...

И все трое были девушками. Если доктор осматривал тела, то должен был вести записи. Я спросил об этом за ужином, но Остерман утверждает, что в записях не было никакой необходимости. По его словам, это просто деревенские девушки, которых задрали волки. И ничего больше.

Ничего больше. Волки в Великолесье так умны, что научились рисовать? Я не сдержал язвительности и спросил об этом доктора, на что получил весьма раздражённый совет не лезть в дела, в которых не разбираюсь.

– Умные люди давно без вас всё поняли. Это волки, – повторил доктор.

Я пытался возражать, но Настасья Васильевна попросила меня не портить всем настроение за ужином. После ужина портить настроение мне тоже запретили. Доктор вовсе ушёл и не остался, как обычно, в гобеленной гостиной, а Настасья Васильевна и Клара занялись рукоделием и отказались обсуждать случившееся.

Это всё случилось только что за ужином. А тогда, в лесу, Клара едва уговорила меня уйти от домовины. Я не хотел оставлять погибшую одну. Боялся ли я упустить какие-то важные детали, которые бы объяснили происходящее? Или мне жаль несчастную девушку, погибшую столь страшной смертью? Сам не знаю, что мной двигало.

Мы вернулись в усадьбу уже после наступления темноты. Тело осталось там, в лесу, за ним тут же послали. Не видел, чтобы кто-либо вернулся в усадьбу. Что сделали с телом? Или его повезли сразу в оранжерею?

Я рвался посмотреть тело, и доктор велел слугам меня удержать силой.

– Вести себя достойно! – неожиданно резко воскликнул он. – Подумать, девку, кметку волки кусать. Тьфу!

– Какие волки?! – возмутился я. – Её же... по кусочкам... расчленили. – Я прошептал последние слова, опасаясь, что они достигнут ушей Клары, которая и без того пребывала в истерике. – У вас в Курганово убийца!

Самое омерзительное, что он попытался свалить всё на моё воображение. Мол, я же писатель:

– Настасья Васильевна правильно сказать: вам сказки сочинять, а не собирать. Чего стоит ваш жуткий история про ведьму-волчицу, – с тихим смешком сказал он.

Я всё ещё ощущаю запах крови, я держал в руках тело расчленённой девушки, а доктор смеётся.

Нет, прекрасно понимаю специфику его ремесла. Многие доктора циничны, слишком привычны к смерти и боли. Но всё же...

Нет, это уже слишком.

Доктор дал мне успокоительный настой. Я выпил, только поэтому и смог записать всё это. Уже перевалило за полночь, а я никак не могу заснуть.

Приходила Клара, сказала, что тоже не могла заснуть. Несмотря на поздний час, я посчитал неуместным думать теперь о манерах и подобающем или неподобающем поведении, и мы вместе спустились в гостиную, попытались найти ту самую Марусю, чтобы попросить поздний ужин, но Маруси, как всегда, след простыл.

К счастью, Клара нашла для нас хлеб, сыр и молоко. Мы не смогли заварить чай, но напились молока и закусили. Было вкусно и наконец спокойно.

Она всё звала меня «Михаил Андреевич», и я признался, что мне до сих пор не по себе от этой ратиславской традиции называть по имени-отчеству, и она, засмутившись, робко спросила разрешения называть меня Мишель. Я согласился, потому что меня так часто зовёт Лёшка и мне привычнее это дружеское, немного ласковое, немного даже фамильярное обращение.

Как я и сказал, с Кларой, этой скромной, очень милой, но по-учительски строгой (наверное, из неё вышла бы чудесная гувернантка, разреши ей отец найти для себя занятие по душе), очень мирно на душе, спокойно.

Правда, спокойствие моё по-прежнему больше напоминает отупение. В груди точно вырезали огромную полость. Постучишь по груди – и услышишь только глухой звук. Клара записала для меня историю Курганово (она, как и я, оказывается, всё это время не могла успокоиться и, чтобы чем-то себя занять, сделала эту запись).

Честно скажу, теперь это кажется бессмысленным. Даже глупым. Ради чего это всё? Как же права оказалась Настасья Васильевна! Она раскусила меня за пару часов, в то время как я потратил на свои пустые грёзы долгие годы.

Не уверен, что продолжу работу и не вернусь домой. Письмо Лёши теперь не выходит из головы. Лучше бы ходил по скучным суар с Сашкой, хотя бы увидел наконец эту его Ягужинскую.

В любом случае вложил в дневник записи Клары. А то получается, она зря потратила столько сил.

15 студня

На самом деле я мог продолжить запись сразу после того, как ушла Клара, ведь лечь спать у меня так и не получилось. Я закончил писать в своём дневнике, когда камин уже почти прогорел и даже дров в поленнице не осталось. Вдруг раздался едва слышный шорох юбок. У стены gobеленной гостиной появилась женщина в лойтурском платье. Немолодая, полная, очень ухоженная, что редко бывает у местных женщин. Я сразу как-то отметил, насколько аккуратно уложенными были её волосы, выглаженными – все складочки и накрахмаленными – воротничок с манжетами. Я уже почти поверил, что это одна из гостей графа или даже его родственница, но речь, пусть и делано манерная, с характерным великолеским говорком и манерой тянуть «о», выдала её с головой. Передо мной стояла кметка.

– Михаил Андреевич? – спросила она, и вместо «Андреевич» я услышал «Ондрейч». Знал бы мой отец, как ратиславские кметы извращают его имя Анджей, так долго бы возмущался.

– Это я. С кем имею честь?

Она выглядела смущённой от моего «имею честь», ведь сразу стало ясно, что она простолюдинка, и вряд ли кто-либо обращался к ней подобным образом.

– Маруся я. – Из-за её произношения получилось скорее «Моруся», отчего я невольно улыбнулся, а на языке почувствовал вкус болотных ягод. Пусть мне и не нравится звучание ратиславского языка и во всех его говорах слышится нечто грубое, простоватое, слишком примитивное, в этой простой деревенской речи есть даже какая-то поэзия.

Я вспомнил, как Клара весь день безуспешно пыталась найти некую Марусю, видимо кухарку. И эта же самая Маруся продиктовала сказку о Совиной башне. Наконец-то получилось её лицезреть.

– Доброй ночи. – Я зачем-то поднялся и сделал лёгкий поклон, такое неожиданное уважение вызвала у меня эта простолюдинка, пусть и не успела сказать почти ни слова.

Она сцепила перед собой руки – жест очень невинный, девичий, никак не подходящий взрослой кметке, – и понурила голову.

– Могу вам помочь? – неуверенно спросил я.

Жуя губы и отводя взгляд (что, кстати, вряд ли бы позволила себе настоящая аристократка), Маруся оглянулась на приоткрытые двери. В остальном доме было тихо. Наконец она осторожно подошла ближе.

– Барин...

– Михаил Андреевич, – поправил я. Мне не нравятся эти холопские порядки ратиславцев. Господин – привычное обращение. В этом же «барине» такое раболепие тошнотворное.

– Михаил Андреевич, – проговорила она, глядя исподлобья с недоверием, – вы тут человек новый. Я... я не знаю, к кому ещё обратиться. Вы один... не боитесь графа и не подчиняетесь ему.

Она долго говорила иносказаниями, ходила вокруг да около, что ужасно меня начало злить, потому что я совершенно ничего не понимал. Маруся сдалась, только когда я нетерпеливо потребовал всё объяснить.

– Сестра моя, – прошептала она тихо, совсем близко подойдя ко мне, – вы же видели, что доктор с графом делают с больными? А моя сестра...

– Заболела, – догадался я.

Маруся закивала и попросила помочь, увезти её каким-нибудь образом из деревни. Видано ли это? Увезти крепостную от хозяина. Считай, украсть. Но стоило только возразить, как Маруся схватила меня за руки, и от её напускного величественного вида ничего не осталось. Она и вправду стала такая вся из себя Маруся: жалобная, беззащитная, умоляющая о помощи.

– Вы только взгляните на мою сестру, Михаил Андреевич, только взгляните, – умоляла она. – Матрёна ни в чём не виновата. Вот вам святое знамение. Ни в чём не виновата. Болезнь её убивает.

– Так доктор Остерман её вылечит.

– Никого он до сих пор не вылечил. Люди оттуда не возвращаются! Никто не вернулся. А те, кто сбегает, так все на зверей похожи. Народ страшные вещи рассказывает, Михаил Андреевич...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.